

*Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева*

Центр военного и морского наследия

А. В. Мозговой

**ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ
ВОЙСКА СЕВЕРНОГО ФЛОТА
В НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ
«ВЕСТ» И ПОСЛЕ НЕЁ**

Москва
2019

УДК 359
ББК 68.53
М74

Рецензенты:

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
И. Н. Николаев, доктор военных наук, профессор, полковник;
Ю. С. Путрик, доктор исторических наук, профессор;
С. А. Рябов, кандидат военных наук, доцент, полковник.

Ответственный редактор: С. А. Мозговой

Мозговой, А. В.

М74 Инженерно-строительные войска Северного флота в наступательной операции «Вест» и после неё. — М. : Институт Наследия, 2019 — 118 с. :
ил. — DOI 10.34685/НИ.2019.19.47.003. — ISBN 978-5-86443-297-6.

Книга представляет собой воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Александра Владимировича Мозгового (1929–2013 гг.).

В 1950–90-е годы испытатель ракетно-космической техники, ведущий советский специалист в сфере надежности ракетных двигателей, он оказался самым юным участником Петсамо-Киркенесской наступательной операции («Десятый сталинский удар») в области Петсамо и Северной Норвегии против войск Вермахта по освобождению Советского Заполярья (7–29 октября 1944 г.). В то время Александр Мозговой был воспитанником военно-строительных частей и связистом инженерного отдела Северного флота.

На основании юношеских воспоминаний и через призму жизненного и профессионального опыта инженера А. В. Мозговой рассказывает о действиях инженерных частей Северного флота в операции «Вест», являвшейся составной частью Петсамо-Киркенесской наступательной операции.

В центре повествования — события войны и судьбы людей старшего поколения военных инженеров-североморцев, чей героический подвиг приближал нашу Победу.

Книга непосредственного участника событий интересна и полезна как для историков, так и для широкой общественности и служит военно-патриотическому воспитанию молодежи.

На стр. 113–115 — фото Алексея Мозгового

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2019
© Мозговой В. В., 2019

ISBN 978-5-86443-297-6

**75-летию Петсамо-Киркенесской
наступательной операции посвящается**

Оглавление

<i>В. Т. Лосиков.</i> Вклад в сокровищницу военно-исторического наследия. Слово от Совета ветеранов Северного флота	6
<i>С. А. Мозговой.</i> Предисловие	9
Северный флот в Петсамо-Киркенесской наступательной операции.	9
Источники и литература.	19
<i>Воспоминания.</i>	21
Автор о себе	21
Вступление	24
Инженерные войска Северного флота в обороне.	27
Задачи операции «Вест»	33
Инженерная подготовка операции «Вест»	34
Кратко об операции «Вест»	41
Десант в Лиинахамари.	45
Прорыв на перешейке полуострова Средний	48
Об инженерной поддержке наступавших североморцев ..	52
Прибытие в Лиинахамари командования и военных специалистов.	53
Первые трудности.	60
Кратко о береговой батарее	63
Состав 113-го ОАД.	65
Постройка береговых артиллерийских батарей	66
Береговая батарея № 221 (4x130/50) и Противокатерная батарея № 208 (4x45/46).	66
Береговая батарея № 140 (4x130/50) и Управление 113-го ОАД.	71

Противокатерная батарея № 207 (4-45/46)	73
Береговая батарея № 858 (4x127/38)	75
Другие батареи на мысе Крестовый	77
Береговая батарея № 210	79
Базовое строительство	80
Строительство «для себя»	82
Немного о противнике	83
Жизнь до 9 мая 1945 года	87
О северной стихии	99
События, которые запомнились	101
Жизнь после 9 мая 1945 года	103
Киркенес	107
Прощай, северный край!	110
<i>Послесловие</i>	112

*Вклад в сокровищницу
военно-исторического наследия*

Слово от Совета ветеранов Северного флота

Предлагаемая вниманию читателей книга воспоминаний члена ветеранской организации Краснознаменного Северного флота, участника Великой Отечественной войны Александра Владимировича Мозгового является уникальным свидетельством непосредственного участника освобождения Советского Заполярья.

Будучи 13-летним юношей Александр Мозговой добровольно приехал (пробрался сквозь воюющую страну) на Северный флот, чтобы влиться в ряды защитников Родины, а уже в 15 лет в составе действующей армии (инженерных частей СФ) принял участие в Петсамо-Киркенесской наступательной операции, став самым юным ее участником. Это наглядное свидетельство поистине патриотического подъема, когда вся страна от мала до велика встала на защиту Родины.

Окончив после войны среднюю школу и «ВОЕНМЕХ», автор около четырех десятков лет трудился в оборонной промышленности, создавая и испытывая жидкостные ракетные двигатели баллистических ракет, в том числе морского базирования, созданные генеральным конструктором Виктором Петровичем Макеевым. Об этом, в частности, рассказывается в книге контр-адмиралов В. А. Дыгало и В. М. Апанасенко

*Рис 1. Контр-адмирал
В. Т. Лосиков*

«Уральский дракон»¹, выпущенной Клубом адмиралов и Институтом Наследия.

Перенеся инфаркт и выйдя после разрушения СССР на пенсию, Александр Владимирович посвятил себя работе с молодежью и краеведческой деятельности, написанию статей о Туапсе, о тружениках и защитниках этого южного Города воинской славы, с которыми его свела судьба, а также рассказов о животных, долгое время откладывая «на потом» написание книги о войне. Но мы были знакомы с его интересными воспоминаниями, слышали его остроумные рассказы.

По рекомендации нашего Совета ветеранов КСФ он работал в Центральном архиве ВМФ (Гатчина), где сотрудники любезно помогли ему найти фотографии сослуживцев и уточнить некоторые стершиеся из памяти даты и точные наименования частей и географических объектов.

В 2013 году в возрасте 83-х лет Александра Владимировича не стало. Однако он успел оставить после себя рукопись воспоминаний, многочисленные записи о событиях военных лет и фотографии участников войны, с которыми он освобождал Заполярье. Незадолго до смерти, будучи больным и ослепшим, он совершил свой последний «марш-бросок» по местам боевой славы частей Северного флота и Карельского фронта. В эту поездку он взял внука и племянника. Соответствующую помощь в посещении труднодоступных мест боев оказали ветераны Лиинахамарской военно-морской базы и бывший командир 42 бригады подводных лодок Кольской флотилии разнородных сил Северного флота капитан 1 ранга А. Ф. Дудников. За это им огромное спасибо!

И вот теперь выходит книга военных мемуаров «Инженерно-строительные войска Северного флота в наступательной операции «Вест» и после неё», в которой автор оставил последующим поколениям память о военных инженерах-североморцах. Уверен, что эта книга послужит военно-патриотическому

¹ Дыгало В. А., Апанасенко В. М. Уральский дракон. — М. : Клуб адмиралов; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2011. С. 174–179.

воспитанию молодежи и добавит в боевую летопись Северного флота новые, ранее неизвестные или малоизвестные страницы, ведь об инженерных войсках писалось очень мало и недостаточно. Каждая подобная книга — кладезь мудрости и вклад в сокровищницу военно-исторического наследия.

Контр-адмирал В. Т. Лосиков,
Председатель Совета ветеранов
Краснознаменного Северного флота

12 декабря 2018 года

С. А. Мозговой
Предисловие

*Северный флот в Петсамо-Киркенесской
наступательной операции*

Рис. 2. Капитан 1 ранга
С. А. Мозговой

Книга воспоминаний, описывающая действия инженерных частей Северного флота в операции «Вест», написана на основе наблюдений отца — Мозгового Александра Владимировича, который встретил войну 22 июня 1941 г. в поезде Рига — Москва по пути в отпуск из Латвии, где его отец, военный инженер Мозговой Владимир Иванович строил оборонительные укрепления. Сразу с началом войны отец вернулся в свою часть, а семья продолжила путь на Кавказ. Затем — участие в строительстве Агойского аэродрома под Туапсе, попытка добраться на эсминце до сражающегося Севастополя и «побег» к отцу на фронт. На этот раз — на Северный флот, куда того перевели после ранения и излечения в госпитале. Сначала, будучи воспитанником, он трудился на подсобном хозяйстве Северного флота и в столлярных мастерских на Онеге, где делали баркасы, плашкоуты и другие десантно-высадочные средства. Затем, при подготовке наступательной операции переехал к отцу в действующую часть. Именно действиям инженерных частей Северного флота в операции «Вест» 1944 года и после нее (1945 г.) посвящена эта книга воспоминаний.

Отец в годы войны старался вести дневник, записывая основные события в небольших блокнотах и школьных тетрадях. Эти краткие записи и позволили ему впоследствии восстановить многие события, и главное — имена сослуживцев, старших фронтовых товарищей и наставников.

После войны он хотел поступать в подготовительное военно-морское училище, но не прошел по здоровью, из-за

частичного дальтонизма, и уехал в родной Туапсе, где закончил с отличием и медалью среднюю школу, поступил в Ленинградский Краснознаменный Военно-Механический институт («ВОЕНМЕХ»). По окончании института работал на различных оборонных предприятиях ракетно-космической отрасли на Украине — в ОКБ Янгеля (Днепропетровск), в Подмосковье — НИИХИММАШ (Новостройка, ныне г. Пересвет), находился в постоянных командировках на Байконуре, Урале, в Красноярском крае и других регионах СССР, где ковался ракетный щит Родины, служил в офицерских должностях в Советской Армии, после чего опять вернулся в родную стихию испытателя, возглавил специально созданную группу инженеров, специалистов по надежности ракетных двигателей, и стал одним из создателей «Службы надёжности», подведомственной Министерству общего машиностроения.

Уже в преклонном возрасте он совершил экспедиционную поездку в Заполярье по местам боёв своей морской инженерной части. В эту поездку взял молодых ребят: племянника Владимира и внука Алексея, с которыми прошел по сопкам и фьордам в окрестностях Лиинахамари.

Судьбе было угодно, чтобы и мне посчастливилось служить в Лиинахамари — самой северо-западной военно-морской базе — на подводной лодке 42 бригады подводных лодок Кольской флотилии разнородных сил Северного флота под командованием капитанов 1 ранга Г. А. Сучкова и А. Ф. Дудникова. Таким образом, оказался в третьем поколении нашей семьи, служивших на Северном флоте в Лиинахамари.

Особенно приятно было увидеть в базовом музее Лиинахамари фотографии деда, инженер-майора В. И. Мозгового, и отца, А. В. Мозгового — юного связиста Строительства № 90.

Осенью 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу осуществить стратегическую наступательную операцию по освобождению Заполярья и Норвегии от немецко-фашистских захватчиков.

Операция «Вест», об инженерном обеспечении которой рассказывается в мемуарах, являлась составной частью более масштабной стратегической операции, получившей название

Рис. 3. Карта Листвахамари и полуострова Средний

по важным военно-географическим территориям (Петсамо и Киркенес), которые в ходе Петсамо-Киркенесской наступательной операции осенью 1944 года освободили войска Карельского фронта и Северного флота. Известная также как «Десятый сталинский удар», эта операция была успешно проведена в период с 7 по 29 октября 1944 года во время Великой Отечественной войны 1941–45 гг.

К октябрю 1944 г. противник занимал часть советской территории западнее Мурманска. Линия фронта проходила от губы Малая Волоковая по перешейку полуострова Средний, далее от губы Большая Западная Лица к озёрам Чапр и Кошка-явр. Здесь, в условиях труднопроходимой горно-лесистой и болотистой местности, противник за три года войны (1941–44 гг.) создал мощную трёхполосную оборону, оборудованную долговременными оборонительными сооружениями — лапландский («гранитный») оборонительный вал. Длина оборонительной линии достигала 100 км, глубина — до 150 км. Укрепления состояли из железобетонных и бронированных огневых точек, минных полей, противотанковых рвов. Все

опорные пункты были приспособлены к круговой обороне. Особенно сильно были укреплены рубежи на р. Западная Лица (протяженность 40 км, глубина 8 км) и на перешейке п-ова Средний (протяженность 9 км, глубина 3 км). Опираясь на этот мощный оборонительный вал, немецкое командование надеялось удержать за собой северные области Финляндии и Норвегии.

У немцев здесь дислоцировался 19-й горно-егерский корпус под командованием генерала Ф. Йодля из состава 20-й немецко-фашистской горной армии под командованием генерал-полковника Л. Рендулича. В составе корпуса было 3 горные дивизии и 4 бригады, насчитывающие 53 тыс. человек, свыше 770 орудий и миномётов. Его поддерживала авиация 5-го воздушного флота в количестве 160 самолетов и значительные военно-морские силы, базировавшиеся на порты Северной Норвегии (1 линкор, 12–14 эсминцев, до 30 подлодок и другие корабли, всего до 20 кораблей и судов).

К проведению Петсамо-Киркенесской операции была привлечена 14 армия Карельского фронта под командованием генерал-лейтенанта В. И. Щербакова, командующий фронтом — маршал Советского Союза К. А. Мерецков, и части Северного флота под командованием адмирала А. Г. Головки. 14-я армия в составе 5 стрелковых корпусов и 1 оперативной группы (8 стрелковых дивизий, 6 отдельных стрелковых, 2 инженерные и 1 танковая бригады) насчитывали около 100 тыс. человек, 2,2 тыс. орудий и минометов, свыше 100 танков и САУ.

Северный флот для участия в операции выделил свыше 20 тыс. человек, более 250 кораблей и судов (в том числе: 1 лидер, 6 эсминцев, 8 подводных лодок, 20 торпедных катеров, 23 охотника) и 2 бригады морской. Войска поддерживала авиация Северного флота (276 самолетов морской авиации) и 7-й Воздушной армии (689 самолётов) под командованием генерал-лейтенанта И. М. Соколова (около 1 тыс. самолетов).

Основной замысел операции заключался в том, чтобы окружить и уничтожить основные силы противника путём их глубокого охвата с юга и одновременного удара с севера. Задачей советских войск было наступление на посёлки Луостари

Рис. 4. Группировка войск противника на мурманском направлении накануне операции по освобождению Заполярья и расположение частей 14-й Армии и Северного оборонительного района

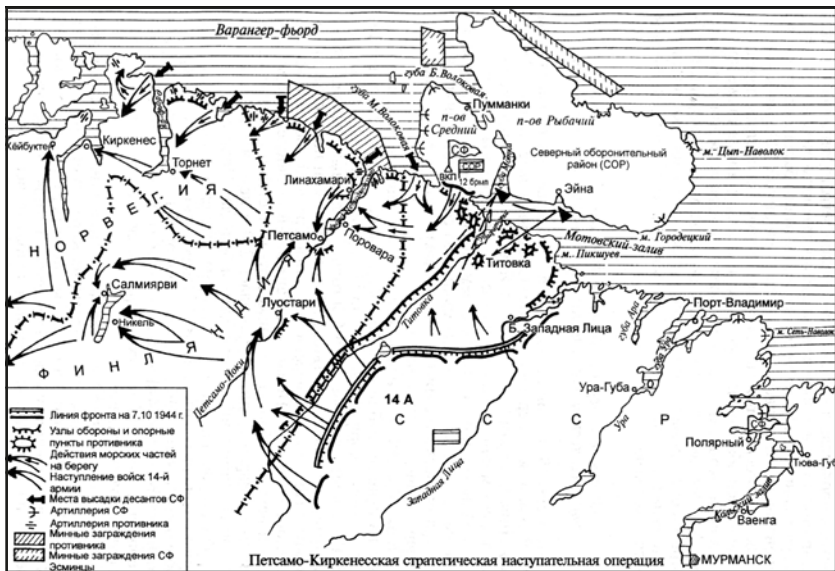

Рис. 5. Питсамо-Киркенесская стратегическая наступательная операция

и Питсамо с целью уничтожения основных сил 19-го горнострелкового корпуса Вермахта, укрепившегося в районе Питсамо, и в дальнейшем — наступление на Киркенес с целью освобождения Северной Норвегии. Наступлению 14-й армии на приморском фланге должны были способствовать тактические десанты Северного флота в тылу немецких войск и нарушение морских коммуникаций противника. Также среди задач флота была поддержка наступления сухопутных сил на приморском фланге огнем кораблей и авиации, блокада портов Питсамо и Киркенеса и защита своих морских коммуникаций в Баренцевом море.

Операция состояла из трех этапов: 1) прорыв немецких оборонительных позиций; 2) преследование отступающих немцев; 3) сражение за Киркенес.

Главный удар был нанесен левым флангом 14-й армии из района южнее оз. Чапр в направлении Луостари — Питсамо. Правый фланг армии своими активными действиями сначала сковал вражеские войска, а затем совместно с морской пехотой Северного флота осуществил наступление на Питсамо.

Северный флот произвел высадку морского десанта в тыл противника, нарушил морские перевозки немцев, блокировал порты Петсамо и Киркенес, обеспечил безопасность своих коммуникаций в Баренцевом море и поддержал огнем кораблей и авиации наступление советских войск на приморском направлении.

Наступление советских войск началось сильной артподготовкой утром 7 октября с нанесением мощного артиллерийского удара по укреплениям противника, за ней в 10.30 началось наступление 131 корпуса под командованием генерал-майора З. Н. Алексеева, который в первый же день наступления достиг реки Титовка. Одновременно наступал 99-й корпус под командованием генерал-майора С. П. Микульского. 9 октября перешли в наступление войска группы генерал-лейтенанта Б. А. Пигаревича, располагавшиеся восточнее реки Западная Лица, в месте наибольшего продвижения немецких войск в направлении Мурманска. В ходе ожесточенных боев была прорвана оборона противника, который начал отступление.

В районе мыса Пикшуев был высажен десант (44 бойца), который отвлек внимание противника и способствовал успешной высадке основных сил.

В ночь на 10 октября корабли Северного флота высадили десант 63-й бригады морской пехоты под командованием полковника А. М. Крылова на южный берег губы Малая Волоковая (фьорд Матти-вуоно), который должен был выйти в тыл противника и захватить плацдарм. К утру бригада вышла во фланг и тыл противника, оборонявшегося на перешейке полуострова Средний, перешла через хребет Муста-Тунтури, отрезав часть немецких сил, и во взаимодействии с 12-й бригадой морской пехоты, наступавшей с полуострова Средний, сломала сопротивление врага. Сражение приняло крайне ожесточенный характер, часто переходило в рукопашные схватки. Многие важные высоты и укрепления приходилось брать штурмом. Оборона противника была прорвана, и в середине дня начался поспешный отход немецкой группировки, которая занимала эти позиции более трёх лет. В ночь на 11 октября перешеек полуострова Рыбачий был полностью освобождён

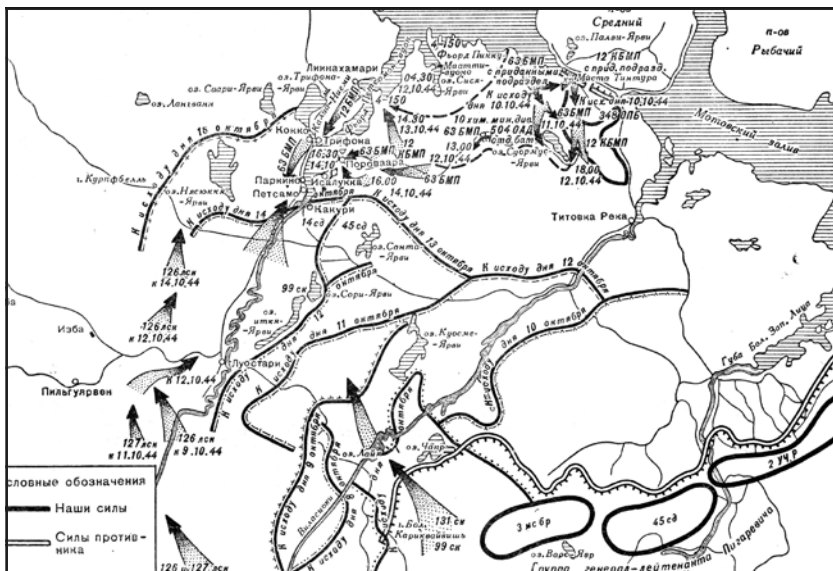

Рис. 6. Карта наступления советских войск

советскими войсками. Утром 12 октября обе бригады морской пехоты стали развивать наступление на Петсамо (Печенгу). Успех десантной операции был связан с хорошей работой разведки, грамотным инженерным обеспечением, тщательной подготовкой десантников и хорошо отлаженным взаимодействием десантных сил и флота.

Особое внимание советское командование уделяло десанту в Лиинахамари. Этот порт был одной из важнейших военно-морских баз немецкого флота на побережье Баренцева моря и главным перевалочным пунктом для вывоза никеля из месторождений в районе Петсамо. К тому же, здесь проходил один из рубежей немецкой обороны на пути советских войск в Норвегию. Этот опорный пункт противника необходимо было быстро взять, чтобы не было задержек в общем наступлении Карельского фронта.

Порт и гавань Лиинахамари представляли целый укрепленный район. Узкий и глубоководный вход во фьорд Петсамо-вуоно отлично простреливался. На его входе и в самой гавани немцы подготовили многослойную систему артиллерийского

Рис. 7. Гавань Лиинахамари, довоенная финская открытка

и пулёмётного огня. Немцы установили здесь 4 береговые батареи 150- и 210-миллиметровых орудий, 20 батарей 88-миллиметровых зенитных орудий ПВО, которые могли вести огонь как по воздушным, так и по морским и наземным целям. В порту были оборудованы железобетонные долговременные огневые точки. Ключевой считалась батарея 150-миллиметровых орудий (4 орудия) на мысе Крестовый. Немецкая батарея держала под обстрелом весь залив Петсамо-вуоно и гавань порта Лиинахамари. Рядом располагалась 4-х орудийная зенитная батарея 88-мм орудий.

9 октября 1944 года в заливе Пунайнен-лахт в нескольких десятках километров от конечной цели был высажен диверсионный отряд (около 200 бойцов), который вышел в тыл к немецким батареям на мысе Крестовый у Лиинахамари. В его состав входили разведывательный отряд Северного оборонительного района под командованием майора И. П. Барченко-Емельянова и 181-й отряд особого назначения Северного флота лейтенанта В. Н. Леонова. Разведывательно-диверсионный отряд с соблюдением тщательной маскировки совершил

скрытый марш-бросок к цели и 12 октября 1944 года атаковал немецкие батареи на мысе Крестовом, захватив их с минимальными потерями в ходе скоротечного боя. Захват батарей обеспечил успешную высадку морского десанта (660 чел.) в порт Лиинахамари 12 октября 1944 г.

Взятие этого порта обеспечило последующее овладение войсками 14 армии и силами Северного флота в ночь на 15 октября городом Петсамо (ныне Печенга Мурманской обл.).

В последующие дни на южном побережье Варангер-фьорда корабли Северного флота высадили три тактических десанта: 18 октября — десант в заливах Суола-вуоно и Арес-вуоно, 23 октября — в Кобхольм-фьорде, 25 октября — в Холменгро-фьорде. Все три десанта были осуществлены успешно и сыграли положительную роль в ходе советского наступления. 22 октября советские войска перешли советско-норвежскую границу, 25 октября освободили г. Киркенес, 27 октября — г. Нейден и район Наутси. 29 октября Петсамо-Киркенесская операция была завершена.

В результате операции войска Карельского фронта и силы Северного флота разгромили 19-й горнострелковый корпус и ряд других соединений 20-й немецко-фашистской горной армии, освободили Советское Заполярье и Северную Норвегию, в том числе главную базу снабжения немецких войск — порт Киркенес. Таким образом, противник лишился своих баз в Баренцевом море и в Северной Норвегии. Советские войска продвинулись на запад на 150 км, положив начало освобождению Норвегии от немецко-фашистской оккупации. Северный флот потопил 156 вражеских кораблей и судов, авиация уничтожила 125 самолетов, противник потерял убитыми около 30 тыс. человек.

Рис. 8. И. П. Барченко-Емельянов

Рис. 9. В. Н. Леонов

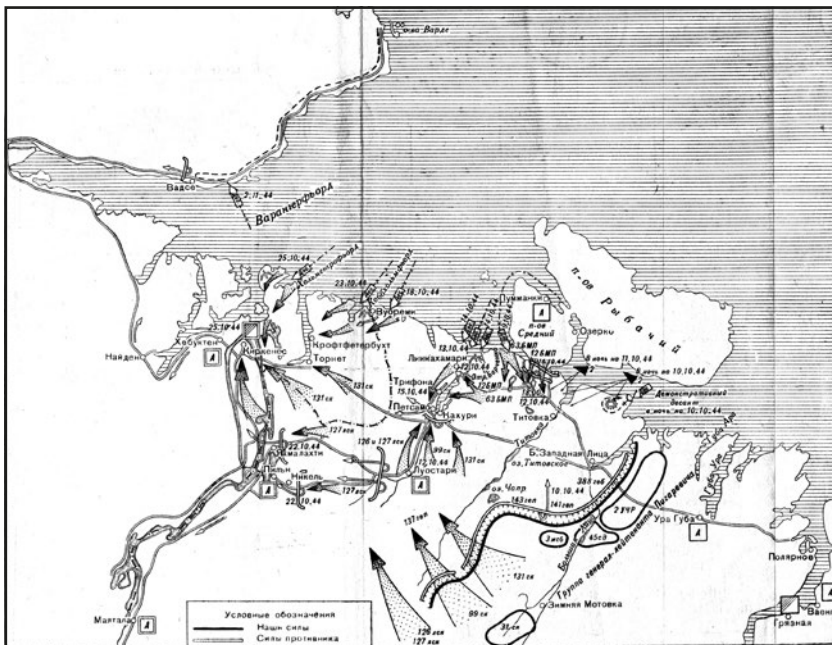

Рис. 10. Карта освобождения Киркенеса

За отличие в боях 51 соединение и часть получили почетные наименования «Печенгские» и «Киркенесские», 70 соединений и частей были награждены орденами, 30 воинов Карельского фронта и 26 моряков Северного флота удостоены звания Героя Советского Союза.

Источники и литература

ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1437. Л. 53.

ЦАМО. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 306. Л. 50.

ЦВМА. Ф.2. Оп. 1. Д. 421. Л. 41–52.

В. Абатуров. Петсамо-Киркенесская наступательная операция // Веб-сайт Министерства обороны Российской Федерации, <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11997315%40cmsArticle> (дата обращения: 29.10.2019).

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1944. М.: Воениздат, 2006.

Егоров Г. Северный флот в Петсамо-Киркинесской операции // Военно-исторический журнал. 1974. № 10.

Жуматий В. И. Морские десантные операции Вооруженных Сил СССР. Морская пехота довоенный период и в годы Великой Отечественной войны 1918–1945. М.: Центрполиграф, 2011.

Замчалов А. Н. История военно-морского искусства. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. ВМА. Ленинград, 1987.

История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М., 1978.

Картавцев И. И. Морская пехота в боях за освобождение Советского Заполярья // Военно-исторический журнал. 1985. № 3.

Карельский фронт. М., 1984.

Козлов И. А., Шломин В. С. Краснознаменный Северный флот, 2-е изд., М., 1977.

Мозговой С. А. Десятый сталинский удар. 75 лет Петсамо-Киркинесской наступательной операции по освобождению Советского Заполярья и Норвегии // «Гласность». 2019. № 3.

Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье (1941–1945 гг.). М., 1963.

Самсонов А. Десятый сталинский удар: Петсамо-Киркинесская операция // Военное обозрение. 11 октября 2018.

Семенов В. О некоторых особенностях организации Петсамо-Киркинесской наступательной операции // Военно-исторический журнал. 1964. № 10.

Сидоров А. Победа в Заполярье // Военно-исторический журнал. 1979. № 10.

Симоненко С. В. Петсамо-Киркинесская стратегическая наступательная операция: уроки и выводы (К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне) // Военная мысль. 2004. № 11.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре. Вып. 7. Воениздат, 1950.

Воспоминания

Посвящается славным защитникам Советского Заполярья, беззаветно сражавшимся в годы Великой Отечественной войны за честь, свободу и независимость нашей Родины!

Автор о себе

Рис. 11. А. В. Мозговой

Мой отец руководил изыскательской бригадой, которая прокладывала трассу будущего оросительного канала в пулупустыне Южного Казахстана. Вместе с ним работала и мама, будучи беременной. Так, вдали от населённых пунктов, 20 мая 1929 года родился я. В рубашке родился! Да, да, так оно и произошло в действительности. Известно, что эта народная примета предвещает везение... Роды были трудные. Ведь рождение «в рубашке» — ненормальное явление. У мамы пропало молоко. Но мне повезло! В экспедиции была верблюдица с маленьким верблюжонком. И её молоко спасло мне жизнь.

Будучи дошкольником, я встретился в смоленском лесу, нос к носу, с большим волком. Но меня он не тронул. Волк схватил щенка, бывшего со мной, и ушёл. Я кричал ему вслед: «Отдай мою собачку! Отдай!».

Во время налётов вражеских бомбардировщиков на Туапсе мы, школьники, «ловили» осколки и пули, летевшие вокруг. Схватить эти горячие предметы можно было только шапкой, но не голой рукой. Моему однокласснику осколок пробил правую лопатку и застрял в лёгком. А мне повезло. И я посещал этого моего товарища в горбольнице.

Так случилось, с ранних лет я уверовал в своё везение, и эта вера очень помогала мне всю жизнь.

Весной 1942 года, в 13 лет, проехал от Чёрного моря до Белого. Путешествие прошло благополучно. (Эта поездка заслуживает отдельного рассказа.) Работая с 1942 по 1944 год

Рис. 12. Последняя довоенная фотография А. Мозгового с отцом Владимиром Ивановичем и матерью Антониной Михайловной

в частях обеспечения (на подсобном хозяйстве) Северного флота, несколько раз ездил в вагонах с продовольствием (конкретнее — с поросятами) для североморцев. Эшелоны бомбили и обстреливали. Но все обошлось...

После войны, окончив школу на пятёрки, как медалист был принят в Ленинградский «ВОЕНМЕХ» без экзаменов. Окончив институт с отличием, получил направление в соответствии с моим личным желанием — испытателем жидкостных ракетных двигателей (ЖРД).

По окончании «ВОЕНМЕХа» перед его выпускниками открывались светлые дороги технического творчества. И я с большим желанием уехал на Украину и отдался увлекательной работе испытателя жидкостных ракетных двигателей и двигательных установок при ОКБ академика Михаила Кузьмича Янгеля, где создавались самые грозные межконтинентальные баллистические ракеты.

Когда Политбюро ЦК КПСС приняло решение о создании ракетных войск стратегического назначения, мне довелось

участвовать в преобразовании 204-й тяжёлой бомбардировочной авиационной дивизии в 15-ю гвардейскую дивизию межконтинентальных ракет, оснащаемых атомными и термоядерными боеголовками. Устройство ракеты и порядок её технического обслуживания лётчики изучали по эксплуатационной документации. Но вот почему ракета сконструирована именно так, а не иначе, мог рассказать им только профессионал-испытатель ракет, что я и делал на дополнительных занятиях.

После увольнения в запас вернулся в систему Госкомитета по оборонной промышленности СССР, в Центр испытаний самых крупных отечественных ракет, где занимался огневыми испытаниями опытных образцов ЖРД (Н. Д. Кузнецова и др.) и экспериментальной отработкой так называемой «системы аварийной защиты», которая предназначалась для предотвращения аварии вследствие ненормальности в работе того или иного двигателя, устанавливаемых на первую ступень ракеты. Работа была в высшей степени интересной! Коллектив конструкторов (ранее разрабатывавших авиационные воздушно-реактивные двигатели) в содружестве с нашим коллективом высококвалифицированных испытателей ЖРД создал самые совершенные в мире и надежные ракетные двигатели, которые не потеряли своих качеств даже после длительного хранения на заводском складе.

Работая испытателем, предложил усовершенствовать «ЖРД замкнутой системы», получив авторское свидетельство за изобретение, а Генеральный конструктор А. М. Исаев решил воплотить моё изобретение в металле.

Будни испытателей — это взрывы, пожары и токсичные компоненты ракетного топлива. Однажды при разрыве трубопровода с гептилом («тонкой») отравился так, что наступил паралич всего желудочно-кишечного тракта. Мой дядя (один из лучших сочинских хирургов, под скальпель которого стремились попасть высокопоставленные чины) догадался сделать мне серию уколов стрихнина (которым волков травили) и спас мне жизнь! Удача?!

На анализе и обобщении этих неприятностей (аварий и взрывов ЖРД) написал диссертацию о повышении

надёжности ракетных двигателей. На неудачных испытаниях — удачно защитил диссертацию. Впрочем, испытатели различают «неудачные» и «аварийные» испытания. Те аварийные испытания, по результатам анализа которых можно обоснованно предложить улучшение конструкции экспериментального двигателя, испытатели считают удачными.

Но так устроена жизнь, что многому приходит конец. Пришёл конец государству, ракетный щит которого мы создавали, пришёл конец и моей работе. Жить осталось совсем недолго. Вот и хочется оставить память о тех, с кем меня свела судьба в трудные годы войны, кто защищал Родину, о хороших людях, которые жили рядом со мной, которые делили со мной и трудности, и радости нашей активной и насыщенной жизни. Постараюсь написать объективно. Но каждый читатель, как и каждый автор, — это субъект, это неповторимая личность. И каждый человек смотрит, естественно, со своей собственной колокольни. Мне было бы интересно (и полезно!) получить откровенные отзывы о моём видении описываемых событий.

Искренне и глубоко благодарю Аллу Андреевну Лучко, Марию Николаевну Чиркову и Людмилу Александровну Токареву за фотокарточки североморцев и архивные документы, которые позволили уточнить стёршиеся из памяти конкретные даты событий, участником или невольным современником которых я был.

Вступление

24 июня 1941 года я волею судеб оказался в здании Наркомата ВМФ, в кабинете комиссара высокого ранга. Указывая пальцем на меня, комиссар сказал: «Вот, ко времени, когда его пионерские каникулы окончатся, за это время мы этого Гитлера разгромим! Так что, пионер, езжай в гости к своим обеим бабушкам, загорай и плавай в море, лазай по Кавказским горам!» Комиссар тут же отдал распоряжение об оформлении проездных документов.

Казалось бы, комиссар ошибся в сроках, но... Если его слова истолковать в иносказательном смысле, то они для меня

Рис. 13. Ученический билет А. Мозгового на 1940–1941 учебный год.
Русская средняя школа № 114, г. Рига, Латвийской ССР

оказались вещими. Мои «пионерские каникулы» продлились до Победы!

Подшло время начала учебного года, но вся страна с замиранием сердца переживала за Севастополь. Мы, туапсинские подростки, задумали «прорваться» в Севастополь, чтобы с оружием в руках защищать от врага этот славный город! Под прикрытием бомбёжки, когда краснофлотец, стоявший у трапа, поспешил к орудию, подавать снаряды, мы проникли на борт боевого корабля и спрятались под брезентом. Нас обнаружили, «обезоружили» и, буквально, за уши высадили на причал.

Далее — работал истопником большой плиты в столовой строительства Агойского аэродрома под Туапсе, затем — помогал размечать взлётно-посадочные полосы аэродрома.

Пришло письмо от отца, в котором он сообщил, что в тяжёлом состоянии был вывезен на «большую землю» из Ленинграда. Как только поправится, снова — на фронт! В завуалированном виде отец указал, где он находится.

«Неприменно отец возьмёт меня на фронт!» — подумал я и решил немедленно ехать к нему. Предстоящая дорога меня не пугала. Имел опыт передвижения не только верхом на коне или на 5-тонном грузовике «ЯАЗ», но и на поездах (конкретнее — на паровозе, так как дед был паровозным машинистом), на пароходе, на самолёте «У-2», а также умел работать с географической картой, прицельно стрелять из малокалиберной винтовки и из охотничьей двустволки. А главное — я в рубашке родился! И потому твёрдо верил в свою удачу. Взял отцову

полевую сумку с картой и курвиметром. В вещмешок насыпал грецких орехов и прошлогодних каштанов, которые подавались только ударам топорика. Предусмотрительно оделся только в чёрное, чтобы незаметно лежать среди угля в тендере паровоза. Оставив родным записку, отправился в дальний путь. Я имел два «наиважнейших документа»: 1-й — учебный билет с фотокарточкой, выданный средней школой города Рига, и 2-й — конверт с письмом отца. В дороге случались приключения, к моему счастью — со счастливым концом.

Рис. 14. Ш. А. Марголин

Увидев меня, отец удивился, обрадовался и — «откомандировал» на подсобное хозяйство флота.

После выздоровления отец неоднократно подавал рапорты с просьбой снова направить его на фронт. Однако руководство в лице начальника военного Строительства 123 Инженерного Управления ВМФ **Шмая Аркадьевича Марголина** приняло решение прежде направить отца на учёбу в Высшее инженерно-техническое училище ВМФ.

Строительство Ш. А. Марголина поставляло сражающимся флотам страны разборные конструкции: основания для тяжёлых береговых пушек, плавучие причалы, укрытия для самолётов ВМФ, ДЗОТы, небольшие баржи-плашкоуты, из которых связывали плавучие переправы, склады, землянки, помещения для спецтехники, комплекты ложных военных объектов и прочее. Особенно в этом нуждался Северный флот, так как на северных скалах и в тундре не найдёшь нужного бревна. Так что без простых конструкций Ш. А. Марголина нельзя представить оборонительные сооружения СФ.

Не удивительным ли кажется такое решение командования — повышать теоретические знания участвовавших в войне (в самый трудный период 1941–1942 гг.) офицеров? Продолжалась жестокая война, а руководство страны уверенно смотрело вперёд. В. И. Мозговому, инженеру-гидростроителю, давали новейшие знания (по опыту войны) о мобильной

передислокации береговых фортификационных укреплений, которые должны были не отставать от наступавших сухопутных сил и поддерживать их огнём мощной береговой артиллерии ВМФ.

Даже в ходе кровопролитной и разрушительной войны руководство страны спокойно и трезво планировало грандиозное послевоенное строительство. Например, когда отец (и я вместе с ним) в 1944 году прибыли в распоряжение Инженерного Отдела СФ (ИО СФ), то там познакомились с инженер-капитаном **Львом Борисовичем Бернштейном**, который разрабатывал проект гидроэлектростанции, способной преобразовывать в электрический ток гравитационную энергию Луны. Эти «фантастические» идеи Л. Б. Бернштейна — дать военно-морским базам Заполярья неистощимый источник электроэнергии — были реализованы в 1968 году. В Кислой губе Баренцева моря, где перепад уровней между приливом и отливом составляет от 12 до 18 метров, начала работать первая необычная гидроэлектростанция. На ней установлены 24 особые турбины.

Весной 1944-го волею судьбы я привёз продукцию нашего подсобного хозяйства в военно-строительную часть, которой командовал именно мой отец. К этому времени я подросток, что отец, по согласованию с руководством подсобного хозяйства, оставил меня в качестве связиста. Так я и был связистом до конца войны.

Поскольку большинство молодых читателей понятия не имеет, что делали инженерно-строительные войска ВМФ во время войны и зачем вообще нужны инженерно-строительные части на флоте, кратко остановлюсь на этой теме.

Инженерные войска Северного флота в обороне

В структуру управлений и отделов командования Северного флота входил Инженерный отдел во главе с военинженером 1 ранга Т. П. Ефимовым². Деятельность отдела заключалась

² В августе 1941 г. инженерный и строительный отделы были объединены в инженерный отдел.

в инженерном обеспечении боевых действий сил флота. Его военные инженеры проектировали и строили оборонительные сооружения (создавались фортификационные сооружения, устанавливались инженерные заграждения), прокладывались и ремонтировались дороги и т. д. Флотскими инженерными формированиями была оборудована защитная линия Северного оборонительного района.

Подчинённые ему подразделения снабжали флот строительными материалами и техническими строительными средствами. Офицеры отдела обучали инженерному искусству наземные войсковые части флота. Специалисты отдела профессионально анализировали опыт войны (по инженерной части) и распространяли его в частях флота.

На Крайнем Севере австрийские горные стрелки «Эдельвейс» провели первую разведку боем 26 июня 1941 г., а в полярную ночь с 28-го на 29-е июня, когда было светло как днём, начали наступление в районе реки Титовка. Уже в июне 1941 г. началось оборудование оборонительных рубежей от Порты Владимира до губы Лодейной и от Сада-Губы до Белокаменки для прикрытия главной базы флота в Ваенге (ныне г. Североморск) и береговых батарей в районе мыса Сеть-Наволок. В этот же период строились объекты береговой обороны в Териберке. Однако строительство наших инженерных оборонительных сооружений не было завершено к началу войны. Противник обладал современными по тем временам инженерными средствами, которые позволили ему быстро форсировать реку Титовка.

6 июля 1941 г. части противника форсировали реку Западная Лица, но были отброшены на противоположный берег. Всё же противник отрезал от 14-й армии её подразделения, оставшиеся на полуостровах Средний и Рыбачий. До Мурманска оставалось километров 50–60.

В начальный период войны, до сентября 1941 г., когда враг пытался захватить Мурманск, инженерные части принимали активное участие в оборудовании основных рубежей обороны и вместе с частями морской пехоты и соединениями 14-й армии сражались с врагом.

В сентябре–октябре 1941 г. было достигнуто соглашение о поставках Советскому Союзу вооружений и материалов по ленд-лизу. Казалось бы, Адольф Гитлер должен был торопиться захватить Мурманск, чтобы помешать поставкам. Но именно в сентябре 1941 г. противник в результате нашего второго контрудара снова отступил за реку Западная Лица и по приказу Гитлера перешёл к обороне. По-видимому, успехи его армий на широком фронте от Чёрного до Балтийского моря позволяли фюреру временно отложить попытки сломить оборону Мурманска, оказавшуюся неожиданно стойкой. Гитлер рассчитывал на скорую победу. **А. И. В. Сталин** понимал, что война продлится долго, и что понадобится помощь союзников.

Линия фронта на Севере стабилизировалась до октября 1944 года. Однако, несмотря на фактический переход к обороне, противник неоднократно планировал и предпринимал наступление на Мурманск. Для срыва готовящегося весной 1942 г. наступления Ставка Верховного Главнокомандования поручила войскам 14 армии и силам Северного флота осуществить наступление на отдельных участках фронта. В рамках этого наступления флот высадил десант на южном берегу Мотовского залива между губами Титовка и Западная Лица. В ходе ведения десантной операции части инженерного отдела флота установили на занятом противником берегу три плавучих причала. Всего в 1942 г. инженерные части возвели 719 дотов и дзотов, 1348 командных пунктов, 1306 землянок, 28 мостов, 58 километров дорог, 450 причалов и 18 складов различного назначения, оборудовали 299 артиллерийских и минометных позиций³.

Когда летом 1942 г. оборона Среднего и Рыбачьего была доверена Северному флоту, и был создан СОР (Северный оборонительный район), моряки приняли от 14-й армии позиции, неграмотно оборудованные в инженерном и тактическом смысле. Сухопутные военные инженеры возвели множество

³ Становление и развитие инженерно-строительных органов Военно-Морского Флота: Исторический очерк / В. А. Булат, Г. С. Гусев, В. В. Доброго, А. А. Комлик и др.; Под общ. ред. А. В. Крипака. СПб: 2007. С. 45.

огневых точек и инженерных препятствий, однако — без должного учёта особенностей местности и необычных климатических условий. Типичной ошибкой было то, что расположение огневых точек не позволяло вести фланговый огонь, а только фронтальный.

Военный инженер должен быть не только грамотным строителем, но глубоко понимать тактику и психологию наступающих и обороняющихся сторон. Прежде чем возводить искусственное препятствие, надо представить, будет ли противник «брать его в лоб», или предпочтёт обойти это препятствие. И какие огневые средства следует установить, чтобы на этом препятствии нанести противнику максимальный урон. Инженер должен представлять, по каким из построенных им сооружений противник сможет вести только навесную стрельбу из миномётов или гаубиц, а по каким — стрельбу прямой наводкой.

На перешейке полуострова Средний специалисты и бойцы инженерных подразделений ИО СФ быстро создали тактически продуманную инженерную систему обороны, которая учитывала конкретные местные условия. Неудачно расположенные армейцами доты сохранили, но в качестве ложных. Зачастую фортификационные сооружения возводились всего в нескольких десятках метров от противника! Была создана прочная оборона, непреодолимая для врага.

Формально война приняла позиционный характер. На самом деле обе стороны в течение трёх лет многократно совершали активные боевые действия, стоившие больших человеческих жертв. В боевых действиях активное участие принимали инженерные части. Например, в 1943 г. саперы 338-го отдельного инженерного батальона осуществляли инженерное обеспечение трех боевых операций частей Северного оборонительного района. Батальон возводил оборонительные сооружения (доты, орудийные полукапонеры, блокгаузы и пулеметные гнезда), командные и наблюдательные пункты, причалы и погреба для боезапаса.

В ходе этой позиционной войны от ударов авиации и артиллерии, естественно, не только гибли люди, кони, ездовые олени, но разрушались оборонительные сооружения.

Инженерные части флота незамедлительно восстанавливали разрушенные и возводили новые укрепления.

Инженерные работы велись по всему фронту постоянно, несмотря на огневое противодействие противника. Так, в 1942 г. были построены подземные командные пункты командующих СФ и ПВО в Ваенге, в 1943 г. построены подземные командные пункты соединений подводных лодок и береговой обороны в Полярном, командный пункт ВВС и ПВО в губе Грязная, оборудованы позиции зенитных полков в Ваенге и Полярном и начато строительство временных баз в губе Долгая Западная и Порт-Владимире. В течение 1941–1943 гг. на материковом побережье и островах Баренцева моря были оборудованы позиции семи береговых артиллерийских батарей.

Вот, представьте, летнее время года. Круглые сутки светло — «полярный день»! На виду у неприятеля строители работают, естественно, стоя во весь рост. Постоянно свистят пули. Но нельзя пригибаться, тем более нельзя прятаться в окоп, которого и нет ещё. Надо работать много часов подряд, работать с предельным напряжением сил.

Психологическое восприятие обстановки работающей-строителем совершенно несравнимо с тем, которое возникает у бойца перед атакой. В атаку идут не каждый день. Атака — кратковременное возбуждение нервов. Плюс «боевые сто грамм». Плюс атакующий может увидеть своего врага в лицо и даже проткнуть его штыком! Плюс естественное физиологическое снятие нервного напряжения после удачной атаки. Конечно, если остался жив и невредим.

А строитель изо дня в день «спокойно» трудится под стрелковым или миномётным огнём противника. И никак не может противодействовать невидимому врагу. Очень тяжело психологически, когда ощущаешь себя беззащитным.

Вспоминаю свои собственные ощущения. Картинка первая. Еду в теплушке вместе с живыми поросятами для североморцев. Вдруг — паровоз резко тормозит, раздаются взрывы авиабомб и вой пикирующего самолета-бомбардировщика. Из товарного вагона ничего не видно, воображай себе хоть самое ужасное. Неизвестность и чувство беззащитности — это страшно!

Картинка вторая. Нахожусь у счетверённого зенитного «Максима», расположенного в хвосте эшелона. Под Кандалакшей появляется вражеский самолёт, быстро догоняет, идёт прямо на наш состав. Зенитчики открывают огонь одновременно с противником. Смотрю на стреляющий вражий бомбардировщик с единственной мыслью: «Вот мы его сейчас собьём, гада!» И в голове просто-таки не успевают возникнуть мысли о страхе.

Так вот, бойцы инженерных войск Северного флота строили новые позиции для морской пехоты, даже в нескольких десятках метров от вражеских огневых точек, и умело замаскировывали их. Строили позиции для артиллерии и ложные артиллерийские батареи. Строили новые укрытия для самолётов флота и ложные аэродромы.

Ни артиллерийские и миномётные обстрелы, ни воздушные бомбардировки ни на минуту не приостанавливали военных строителей.

Например. В 1943 году оказался я в Ваенге с вагоном продовольствия для лётной части. Мой начальник ушёл оформлять хозяйственные документы, а я находился в землянке красноармейцев, обслуживавших аэродром. Начался налёт. Несколько вражеских авиабомб упало на аэродром, в том числе на ВПП (взлетно-посадочную полосу) аэродрома. А в воздухе находились наши самолёты, которым, естественно, предстояло садиться. Раздалась команда — ремонтировать ВПП! Выбежали мы, «вооружённые» лопатами. Вдоль ВПП стояли ручные тачки с гравием. Бойцы повезли тачки к воронкам, образовавшимся от взрывов. Я подбежал к тачке, она оказалась не по силам. Отсыпал часть содержимого и тоже повёз её к воронке. Пока засыпали эти воронки, выравнивали поверхность ВПП, подлетела следующая группа самолётов противника. Невзирая на то, что кругом летели осколки зенитных снарядов, и следующая авиабомба могла предназначаться именно нам, продолжали свою работу. После налёта попросил командира «аэродромщиков» разрешить мне остаться в его взводе. Он, назвав меня «шустрым парнем», ответил, что будет очень рад видеть меня с новым грузом свежих овощей для его бойцов. Таковы будни военных строителей.

Задачи операции «Вест»

Рис. 15. И. В. Сталин

В своём докладе на торжественном заседании, посвящённом 27-й годовщине Великого Октября, Верховный главнокомандующий И. В. Сталин охарактеризовал 1944-й год как год десяти мощных ударов Красной Армии и Красного ВМФ по войскам противника. Десятым ударом была Петсамо-Киркинеская наступательная операция по освобождению советского Заполярья, а также территории Северной Финляндии и Северной Норвегии. Активное участие Северного флота в этом наступлении имело кодовое название: Операция «Вест». Североморцы должны были решить конкретные боевые задачи:

- Овладеть военным портом Лиинахамари, лишить противника возможности его эвакуации морем, тем самым оставить противнику лишь сухопутную дорогу, чтобы на плечах отступавших непременно войти в Норвегию.

- Высадить в районе города Киркенес десанты норвежских патриотов (находившихся в СССР с 1940 года беженцев, которые получили наше оружие, наше обмундирование, питание и нашу политическую ориентацию).

- Выбить противника с рубежей, находившихся в нескольких десятках километров от Мурманска.

- Парализовать активные действия надводных и подводных сил противника вблизи наших, финских и северо-норвежских берегов, в том числе — блокировать с моря порты Лиинахамари и Киркенес.

- Обеспечить реальное превосходство авиации СФ в воздухе, воспрепятствовать противнику в нанесении бомбовых ударов по нашим войскам, нанести мощные удары по позициям противника и по его кораблям.

Инженерная подготовка операции «Вест»

Командующий Северным флотом адмирал **Арсений Григорьевич Головки** особое значение придавал тому, чтобы операция «Вест» была успешно проведена при минимальных человеческих жертвах. И в этом весомая роль принадлежала Инженерным войскам флота.

Еще до проведения операции, в 1944 г. были построены и сданы в эксплуатацию огневые позиции батарей 132-го артиллерийского зенитного полка в губе Ваенга и Чалм-Пушке, инженерные сооружения рубежей задымления в Белокаменске, Ретинском, Ваенге и Чалм-пушке, минно-торпедная мастерская ВВС флота в Ваенге, судоремонтная мастерская технического отдела флота на мысе Дровяной, еще одна электростанция на судоремонтном заводе в Росте и другие объекты⁴.

Инженерный Отдел СФ тщательно изучил все стороны предстоящей операции «Вест» и разработал планы подготовительных к ней работ. Далее работы выполнялись строго по этим планам.

Была проведена тщательная инженерная разведка позиций противника и возможных мест высадки десантов. Разведка собрала данные о некоторых минных полях противника. Имели достоверную информацию о расположении береговых батарей и иных огневых точек, о наблюдательных пунктах, об уязвимых местах в береговой обороне противника.

Заместитель начальника ИО СФ по инженерным войскам инженер-подполковник **Евгений Алексеевич Немчинов** многократно проверял подготовленность инженерных частей и всех инженерных средств, особенно — десантных средств, необходимых для высадки бойцов даже на таких «неудобных» местах побережья, где противник никак не мог ожидать нападения.

⁴ Становление и развитие инженерно-строительных органов Военно-Морского Флота: Исторический очерк / В. А. Булат, Г. С. Гусев, В. В. Доброго, А. А. Комлик и др.; Под общ. ред. А. В. Крипака. — СПб: 2007. С. 46.

С учётом полученной информации для каждого пункта высадки готовился специальный комплект технических средств, применение которых существенно облегчило выполнение задачи и снизило возможные людские потери. Например, заранее предусматривалось, когда и куда доставить плавучую пристань длиной 20 метров и шириной 6 метров, а куда — разборный причал длиной 40 метров и шириной 8 метров, рассчитанный на 6-метровую глубину; или собрать из лодок А-3 паромы и на них перебросить с кораблей на берег подразделения 125-го ПМП (полка морской пехоты).

Инженерные войска флота создали своего рода полигон, который имитировал условия, сходные с условиями на вражеском берегу. В тренировках по десантированию курсанты 4-й школы сержантского состава ИО СФ исполняли роль противной стороны, препятствовавшей высадке десанта. На этом полигоне по ночам происходила тренировка десантников, как морских пехотинцев, так и бойцов инженерных подразделений, обеспечивающих их высадку. Например, 508-я ОИДР (отдельная инженерно-десантная рота, бывшая причало-десантная рота), 338-й ОИБ (отдельный инженерный батальон), другие стрелково-строительные части и подразделения ИО СФ.

Под руководством опытных инструкторов из ИО СФ сапёры тренировались в обнаружении и обезвреживании реальных мин, имеющих у противника. При этом сапёры изучили не только устройство этих мин, но и фактические способы их установки и маскировки. Заготовили впрок металлические кошки с 50-ментровыми верёвками, щупы (вот последние оказались коротковаты!), подрывные машинки с проводами и детонаторами, ножницы для резки проволочных заграждений и прочее.

Готовясь к осуществлению операции «Вест», Инженерный отдел флота заранее планировал свои первоочередные работы на территории, которая будет освобождена от врага. Так, например, согласно директиве Начальника штаба СФ от 29 сентября 1944 года о строительстве дальнебойных береговых артиллерийских батарей и противокатерных артиллерийских батарей ОВР (охраны водного района) будущей Печенгской

военно-морской базы, уже **5 октября 1944-го года**, то есть ещё до начала Петсамо-Киркенесской наступательной операции, были назначены:

- начальник Строительства № 90 Инженерного Отдела СФ инженер-майор **Мозговой Владимир Иванович** (который годом раньше окончил курсы по фортификации в ВИТУ);

- помощник начальника Строительства № 90 по материально-техническому обеспечению капитан **Вершинин Василий Ефимович**;

- командир 798-й Отдельной Строительной Роты Инженерного Отдела СФ старший лейтенант **Супрун Семён Михайлович**;

- помощник командира 798-й роты по материально-техническому обеспечению старший лейтенант **Костяной Николай Моисеевич**;

- старший фельдшер роты лейтенант медицинской службы **Ирхин Георгий Алексеевич**.

Упомянутая рота придавалась Строительству № 90.

Назначенные офицеры немедленно приступили к подготовке предстоящих работ, начали составлять подробные и обоснованные перечни строительной техники, транспорта и инструмента, необходимых для выполнения объёмного задания.

Г. А. Ирхин, побывавший по каким-то делам в госпитале, рассказал, что бойцы, находившиеся на излечении, просили досрочно выписать их из госпиталя, чтобы лично участвовать в предстоящем решающем и завершающем ударе по врагу! Эти выздоравливавшие ходили к кабинету начальника госпиталя с лозунгом: «Это есть наш последний и решительный бой!» Начальник госпиталя объяснил бойцам, что в десант будут отбирать наиболее крепких физически людей.

Рис. 16. С. М. Супрун

Рис. 17. Н. М. Костяной

Рис. 18. М. С. Клевенский

Рис. 19. М. С. Бабушкин

Тогда же, 5 октября 1944 года были назначены командир Печенгской ВМБ капитан 1-го ранга **Михаил Сергеевич Клевенский** и начальник Отделения инженерной службы ПВМБ майор **Михаил Степанович Бабушкин**. Будущему командиру ПВМБ М. С. Клевенскому было поручено непосредственное командование десантной операцией в её «морской» части, включая выбор мест и очерёдность высадки на берег. Ему было поручено проработать все возможные варианты взаимодействия кораблей, авиации и дальнобойной артиллерии. Он осуществлял командование со специально оборудованного торпедного катера, мгновенно принимая решения в стремительно меняющейся тактической обстановке.

Когда прошла команда готовиться к выполнению операции «Вест», в ИО СФ не только готовились тактические документы по участию в этой наступательной операции, но и проводилась морально-психологическая подготовка личного состава к этой операции. В Инженерном Отделе поместили соответствующие лозунги, радиогазета призывала к смелым и решительным действиям всех участников предстоящего решающего наступления.

Политическое обеспечение операции было нацелено на сплачивание военных моряков, привитие им железной стойкости, дисциплины и наступательного порыва. Широко популяризировались подвиги героев войны и боевые традиции русского флота. Проводились собрания, делались доклады о текущем моменте, читались сводки Совинформбюро.

Парторг ИО СФ старший лейтенант **Владимир Лазаревич Руденко** (мой земляк-туапсинец) говорил на собрании: «Среди личного состава наших инженерно-строительных частей могут быть и раненые, и убитые. Раненым потребуется не только

медицинская помощь, но и душевная поддержка товарищей. Мы должны навещать раненых, которые будут направлены в госпитали, рассказывать им об итогах нашей наступательной операции, о героизме наших бойцов. Мы должны погибших в бою наших товарищей похоронить с должными почестями».

Да, на победу были настроены все североморцы! Иначе и быть не могло! В отличие от других фронтов, Северный флот стойко удерживал свои позиции всю войну! Этот факт придавал североморцам уверенность в своих силах. Успешные наступательные операции Красной Армии в 1944 году как бы подсказывали североморцам: наступила и их очередь разгромить врага.

Один офицер рассказал, что на кораблях среди будущих десантников организована подписка клятвенных обещаний на специальных бланках под портретом товарища Сталина. Экипажам самолётов выданы специальные памятки по выполнению операции «Вест». В ходе подготовки к наступлению политорганы флота снабдили десантников миниатюрными портретами товарища Сталина. Фотокорреспондент политуправления флота лейтенант административной службы **Иосиф-Рафаил Львович Диамант** получил срочное задание: к 3 октября 1944 г. изготовить 3000 маленьких портретов И. В. Сталина.

Несколько позже, уже в Лиинахамари, я случайно встретился с И-Р. Л. Диамантом, фотографировавшим порт. Так как у меня был трофейный фотоаппарат «Цейс Икон», попросил его, незнакомого мне офицера, обучить меня фотоделу. Он подробно ответил на все мои вопросы о работе с проявителями и закрепителями, с негативами и позитивами. Первые шаги в фотоделе позволили мне ощутить, сколь трудоёмкой была у лейтенанта Диаманта работа по изготовлению трёх тысяч фотокарточек Сталина.

Значительно позже, когда изучал историю русско-японской войны, я вспомнил этот эпизод с массовым изготовлением фотопортретов И. В. Сталина. Дело в том, что в 1904 году руководством православной церкви на японский фронт для русских солдат был послан целый вагон миниатюрных икон.

Во все времена и у всех народов существовали и будут существовать свои формы и методы морально-психологической подготовки к бою.

Однажды ко мне обратился Григорий Ильич Кулинич: «Видел вчера, как ты дрова колот для столовой. Сегодня ты снова — у телефона. По нормальному, учиться тебе надо!» «Да вот, учусь!» — ответил я. И показал Г. И. Кулиничу брошюру «Как в бою пользоваться трофейным оружием». «Ну, зачем же тебе изучать пистолет ПАРАБЕЛЛУМ?!» Зачем и почему я изучал «парабеллум» — это было моим секретом. Я промолчал. Но именно тогда я впервые осознал, какими наивными были стремления туапсинских подростков попасть в сражающийся Севастополь. Мы решили незаметно проскочить на боевой корабль. С нетерпением ожидали очередной бомбёжки. Почему её не боялся мой друг Витька Головин, по кличке Цыпа, я не знаю. Я-то был фанатично уверен в моей 100 % неуязвимости! Потому что родился я в рубашке, и взрослые неоднократно говорили мне, что это — к счастью, к удаче в жизни. Как только краснофлотец, стоявший у трапа, побежал на палубу, к зенитному орудью, мы бросились вслед за ним. На палубе легли под брезент, которым был накрыт огромный ящик. Кончился налёт, и нас начали искать. Нашли, обезоружили. Буквально за уши проводили на причал.

Отец также не одобрил то, что я трачу время на парабеллум. «Вот что тебе надо срочно и досконально изучить — сапёрное дело!» С этими словами вручил мне «Наставление...». «Через неделю устрою тебе экзамен! Проверю, как ты разобрался в противопехотных и противотанковых минах, в способах их установки и маскировки. Понял ли, как работать миноискателем. Книжки недостаточно. Сходи к сапёрам, посмотри и подержи в руках это железо! Дам следующее задание: ручные гранаты, миномётные мины, взрыватели, детонаторы. Там, где мы скоро будем, будут валяться различные взрывоопасные предметы. Не бояться их надо, а уметь с ними обращаться... про-фес-си-о-наль-но!» И я приступил к изучению незнакомой тематики. Если б не тот разговор, не писал бы я этих воспоминаний!

Рис. 20. А. Г. Головки

Кратко об операции «Вест»

Командующий СФ адмирал **А. Г. Головки** говорил, что утверждённый им план операции «Вест» будет полной неожиданностью для противника. Так оно и произошло!

Было решено десантироваться непосредственно в порт Лиинахамари. Для противника столь дерзкая операция действительно была полной неожиданностью. Дело в том, что порт находится весьма далеко от Баренцева моря, и чтобы до него добраться, предстояло пройти несколько километров по узкому (шириной от 1 км до 2 км) фьорду Петсамо-вуоно под непрерывным огнём береговых батарей разных калибров. Наибольшую опасность представляли батареи, расположенные на полуострове Крестовый на Восточном берегу залива напротив порта. Да и при входе во фьорд море было густо заминировано. На обоих берегах стояли мощные прожекторные станции.

Командование СФ приняло решение: предварительно нейтрализовать береговые батареи. Для этого на местах, где противник никак не мог ожидать десанта, были скрытно высажены диверсионные отряды морской пехоты. Этим отрядам предстояло в условиях полярной ночи, навстречу сильному ветру и снежным зарядам пройти по незамёрзшим болотам и каменистым обрывам, выйти к береговым артиллерийским батареям, расположенным на мысах Крестовый, Ристи-ниemi (Нурмен-сетти), Нумеро-ниemi и внезапным нападением взять их.

Первыми следовало взять батареи на мысе Крестовый, находившиеся вдали от побережья, непосредственно напротив порта Лиинахамари и способные простреливать весь фьорд Петсамо-вуоно.

В ночь с 9 на 10 октября 1944 г. поднялась сильная вьюга, весь день дул ураганный южный ветер плюсовой температуры со снежными зарядами. Одежда и обувь промокали насквозь,

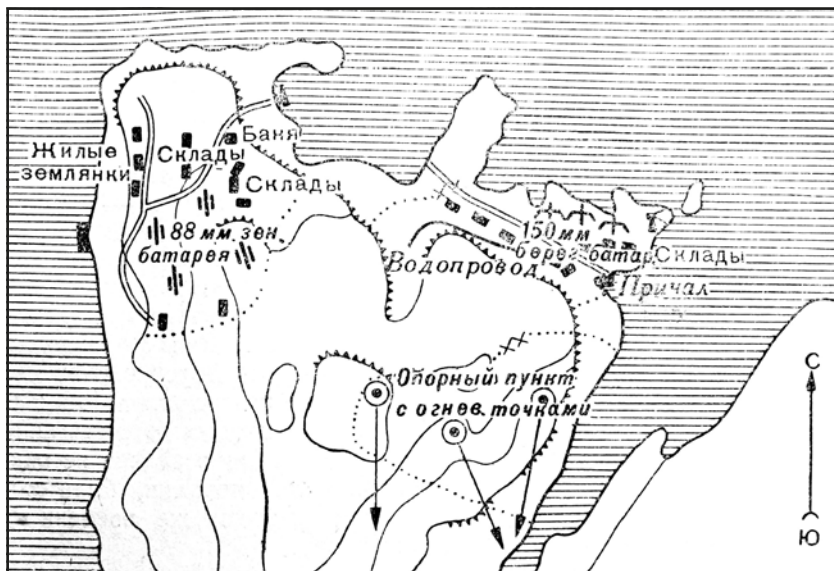

Рис. 22. Расположение батарей противника на мысе Крестовом

затрудняли тащить на своих плечах оружие, боеприпасы и продовольствие. Никому и в голову не могла прийти мысль, что в такую погоду отлично подготовленный сводный отряд капитана **И. П. Барченко-Емельянова** и старшего лейтенанта **В. Н. Леонова** скрытно высадился и шёл в кромешной тьме по бездорожью, через сопки и ещё незамёрзшие озёра к полуострову и мысу Крестовый. Никто и в ИО СФ этого не знал.

О той ночи в моей памяти осталось лишь воспоминание, что на аэродроме Ваенга-1 прогремели три взрыва подряд. Оказалось, что ночью на аэродром тайком, с планирования (т. е. с самолета с выключенными двигателями) были сброшены 3 авиабомбы. Несомненно, лётчик был опытным пилотом и хорошо ориентировался на местности. Да, в 1944 году вражеская авиация уже не решалась открыто нападать на наши аэродромы!

12 октября 1944 г. в 02:00 отряды И. П. Барченко-Емельянова и В. Н. Леонова, несмотря на предельную усталость бойцов, атаковали позиции 4-х орудийной 88-мм артиллерийской батареи на Крестовом. В результате пятичасового боя североморцы овладели батареей, успели взять в плен трёх солдат.

Остальные, оставшиеся в живых, убежали. Этот бой происходил напротив порта Лиинахамари, до которого по прямой было несколько сот метров. Из порта подошёл и пытался высадиться десант, но североморцы отбили его. Буквально рядом находились позиции 4-х орудийной 150-мм батареи. Десантники блокировали и эту дальнобойную батарею, но у них уже были израсходованы и боеприпасы, и продовольствие.

Попав в безвыходное положение, артиллеристы не догадались вызвать огонь на себя, как это не раз делали наши бойцы, окружённые превосходящим противником.

Опытные лётчики СФ исключительно точно сбросили для отряда 5 парашютов с боеприпасами и продовольствием. А так же нанесли удар по батарее противника. К вечеру 13 октября 1944 г. отряд захватил батарею и взял в плен 60 человек!

Это означало, что артиллеристы, находившиеся на мысах Нумеро-ниemi и Ристи-ниemi (Нурмен-сетти), оказались обречёнными на уничтожение или пленение. Их европейский менталитет подсказал артиллеристам, что надо спешно оставить свои позиции. Успели подорвать только орудия, погреба боезапаса и — «эвакуировались». Поэтому отряд лейтенанта **Рекало** (по национальности цыгана), высадившийся в районе Нумеро-ниemi, обнаружил обезлюдившие батареи. Так же, без боя, была взята батарея на полуострове Нурмен-сетти (мыс Ристи-ниemi).

В некоторых публикациях утверждается, что батареи на Ристи-ниemi и на Нумеро-ниemi были взяты, якобы, штурмом. Один автор даже «вспоминает» о трёхсуточном штурме. Не надо удивляться такой трактовке событий, потому что у нас принято считать воинским подвигом непременно кровопролитное сражение и массовое самопожертвование. Да, североморцы были готовы на самопожертвование и, несомненно, могли взять батареи штурмом. Но и сам их пеший переход (от места высадки до батарей) был делом, превышающим обычные человеческие возможности! Мудрое тактическое решение командования СФ (об очерёдности нападения на батареи) позволило сохранить жизнь и здоровье мужественным и отличным подготовленным бойцам.

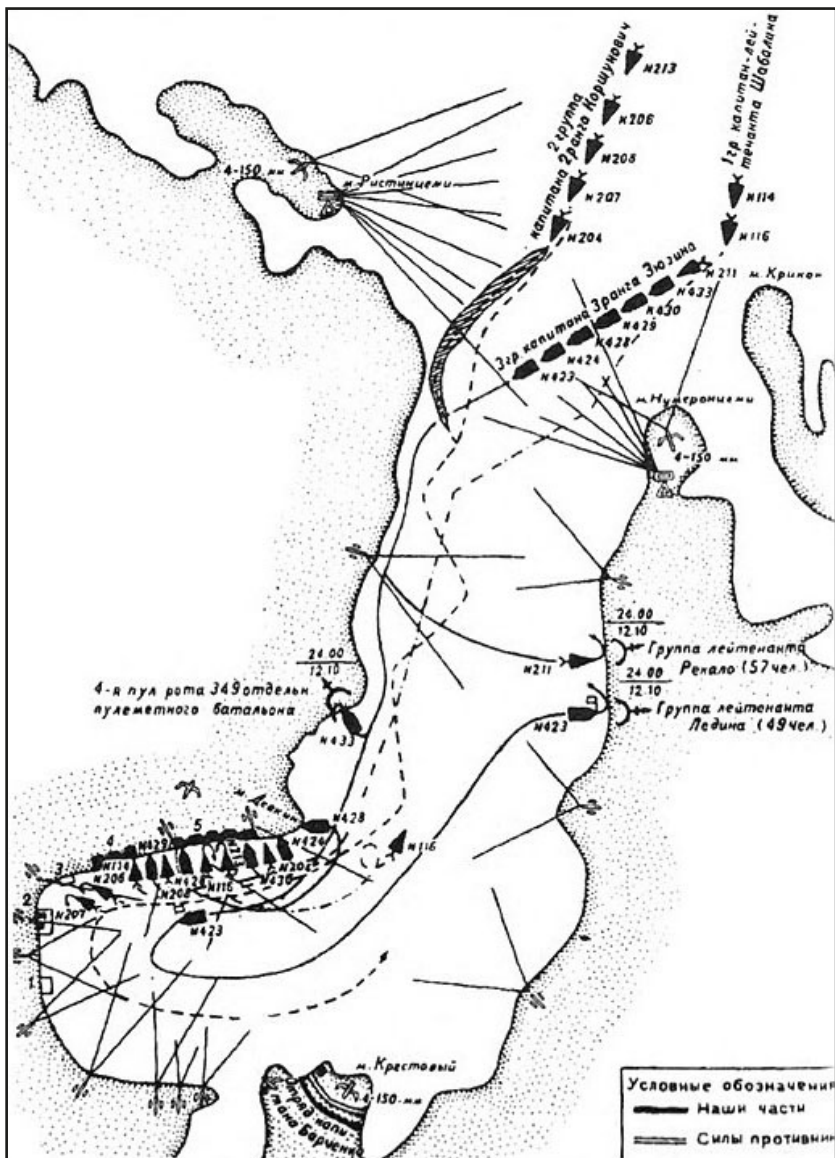

Рис. 23. Схема высадки десанта в Линахамари

Рис. 24. Бетонированное КП немецкой 210 мм батареи в Лиинахамари

Овладение береговыми батареями следует считать замечательной победой! Артиллеристы противника поспешно бежали — это больше, чем случайная воинская удача! В результате противник лишился возможности использовать свои тяжёлые береговые орудия. Но у него оставалось множество других огневых средств. И прорываться через фьорд Петсамо-вуоно в порт Лиинахамари было очень непросто!

Десант в Лиинахамари

Порт Лиинахамари расположен на берегу Девкиной заводи в Печенгском заливе. Чтобы подойти к нему со стороны моря, необходимо преодолеть первое колено залива длиной более 5 км и шириной от 1 до 1,5 км. Придавая ему очень большое значение, гитлеровцы сильно укрепили его оборону с моря и суши. У входа в залив на мысах Нумеро-ниemi и Ристи-ниemi были установлены 150-мм береговые батареи, а у самого порта стояла мощная 210-мм батарея. Побережье залива и подходы к порту защищались многочисленными оборонительными сооружениями: батареями, дотами, дзотами

Рис. 25. Брошенный при отступлении немцами обоз и имущество

и проволочными заграждениями. Таким образом, нашим кораблям при прорыве в Лиинахамари предстояло преодолеть мощный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, маневрируя в узком проливе.

Общее управление десантной операцией осуществлял со своего специально оборудованного торпедного катера капитан 1 ранга **М. С. Клевенский**. О нём не пишут, но именно М. С. Клевенский, стремительно перемещаясь на своём торпедном катере по Петсамо-вуоно, координировал боевые действия кораблей, авиации и артиллерии. И то, что ни разу наши самолёты и наши дальнобойные орудия по ошибке не бомбили и не обстреливали своих — заслуга вышеупомянутого капитана 1 ранга.

О том, как катера капитана 3 ранга **А. О. Шабалина**, старшего лейтенанта Е. А. Успенского, капитана 2 ранга **С. Г. Коршуновича**, гвардии капитана 3 ранга **С. Д. Зюзина** и другие дерзко прорвались через фьорд Петсамо-вуоно и высадили десантников непосредственно в порту Лиинахамари, написано немало. Десантниками были, в большинстве, бойцы 63-й ОБрМП (командир бригады — полковник **А. М. Крылов**,

Рис. 26. Горные егеря 193-й гренадерской бригады, оставшиеся в Заполярье

командир 658-ти десантников — майор **И. А. Тимофеев**). В десанте участвовали (добровольно!) и краснофлотцы с боевых кораблей, в том числе — подводники.

Катерники и десантники справедливо заслуживают внимания историков и вечной благодарности потомков!

В том, что десантники чётко и быстро высадились на полуразрушенные причалы и на берег, имеется и заслуга инженерных подразделений ИО СФ, которые участвовали как в преддесантных тренировках, так и предусмотрели всё, что необходимо при высадке десантников.

Ожесточённый бой за порт и городок длился круглые сутки. И тут же бойцы инженерных подразделений ИО СФ начали производить разминирование причалов, тушить пожары на деревянных причалах, наспех их ремонтировать. И далее инженерные подразделения ИО СФ тушили горевшие склады угля, фуража (сена и овса) и другие.

Большинство портовых и городских сооружений и объектов было разрушено, сохранившиеся — заминированы. Надо было немедленно возводить объекты, обеспечивающие жизнедеятельность создаваемой ПВМБ (Печенгской военно-морской

базы); очистить порт и город от мин, от пришедших в негодность металлических и железобетонных конструкций, от завалов, от человеческих и конских трупов.

Например, 4-й школой сержантского состава ИО СФ в порту снято 2000 мин. Из-под госпиталя вытащено около 3 тонн фугасов, из-под таможни — около 1,5 тонн. Эти факты свидетельствуют, что противник готовился к приходу советских войск в порт и городок.

Подразделения ИО СФ (строители, сапёры, связисты, дорожники) работали круглосуточно. Пищу готовили на кострах, о просушке одежды некогда было даже подумать. В значительной степени, благодаря невероятно напряжённой работе инженерных подразделений ИО СФ, уже с 15 октября 1944 года командование ПВМБ смогло разместиться в Лиинахамари.

Прорыв на перешейке полуострова Средний

Прорыв долговременной обороны противника на перешейке полуострова Средний, а также на реке Западная Лица («Лапландский вал») был особенно трудным. Немецкой обороне помогали условия местности в этом районе. В самом узком месте перешейка возвышается (350 метров) скалистый и практически лишенный растительности гранитный хребет Муста-Тунтури. Этот хребет господствует над всей местностью, с него хорошо просматривалось и простреливалось окружающее пространство. Именно на господствующих высотах находился передний край обороны противника, а его фланги упирались в побережье Мотовского залива и губы Малая Волоковая.

На этом переднем крае немцы вырыли траншеи и построили бетонированные доты, способные выдерживать прямые попадания снарядов полевой артиллерии. На подходах к немецким позициям были выставлены несколько рядов проводочных заграждений, тянувшиеся вдоль всего фронта сплошным «забором», высота которого во многих местах превышала 2,5 метра. Между рядами были заложены фугасы. Также заграждения прикрывались минными полями.

Рис. 27. Немецкая открытая траншея в скальном грунте

Конечно, сапёры подорвали минные поля и сделали проходы в проволочных заграждениях. Артиллеристы и лётчики (несмотря на нелётную погоду) усиленно обрабатывали вражеские огневые точки. Демонстративный десант в Мотовском заливе отвлек часть сил противника.

В октябре в Заполярье день значительно короче ночи, поэтому продвижение войск днем было затруднено и нашим бойцам приходилось вести преимущественно ночные бои.

В ночь на 9 октября бойцы 12-й БрМП (бригады морской пехоты) начали штурм позиций в скалах хребта Муста-Тунтури. В том числе 614-я штрафная рота и 589-й отдельный штрафной взвод наступали и взяли северо-западные скаты горы Ядхонокан-Тунтури. Почему именно штрафникам было определено такое направление удара, понятно без лишних слов.

Торпедные катера, большие и малые охотники высадили тактический десант (63-я бригада морской пехоты в количестве 2837 человек) на южное побережье губы Малая Волоковая (фьорд Матти-вуоно) и демонстративный десант (44 человека) в районе мыса Пикшуев Мотовского залива. Быть

Рис. 28. Крытый ход сообщения немцев

участником демонстративного десанта особенно опасно. Эти 44 бойца должны были привлечь внимание противника и создать видимость, что десантников раз в десять больше, чем на самом деле. Естественно, по этим 44-м храбрецам противник наносил соответствующий удар!

К середине дня североморцы прорвали оборону противника на перешейке полуострова Средний. Здесь, на вершине, был установлен флаг с надписью «За Родину! За Сталина!».

63-я БрМП, атаковавшая с фланга вражескую оборону на перешейке полуострова Средний, затем прошла с боями по скалистой и топкой местности до фьорда Петсамо-вуоно. С полуострова Крестовый их перевезли в порт Лиинахамари.

11 октября 1944 г. североморцы перерезали дорогу Титовка-Петсамо.

За 6 суток непрерывных боёв бойцы СОР (Северного оборонительного района) прошли шаг за шагом 80 километров, взяли в плен 108 солдат противника. Может ли современный человек представить, как в течение 6-ти суток находиться непрерывно под пронизывающим ветром с мокрым снегом?! Это не тайга, где можно лапника настелить и костёр разжечь,

да и от ветра спрятаться. Набухшие от воды сапоги чавкают, когда с трудом вытаскиваешь ногу из вязкой грязи. Одежда также насквозь промокла. Нет места сухого, чтобы на минуту присесть.

В результате совместных действий 131-го и 99-го стрелковых корпусов и морского десанта (658 человек), высаженного кораблями СФ вечером 12 октября 1944 г. в порт Лиинахамари и усиленного частями 12-й и 63-й бригад морской пехоты, в ночь на 15 октября наши войска освободили Петсамо. Противник отступил к Киркенесу и Наутси.

Бойцы 125-го ПМП (полка морской пехоты) десантировались в нескольких местах западнее Петсамо-вуоно, на норвежском берегу: во фьодах Суола-вуоно и Арес-вуоно (18 октября 1944 г.), в Кобхольм-фьорде (23 октября 1944 г.) и Хольменгрофьорде (25 октября 1944 г.), лишив противника возможности эвакуировать свои войска морем.

Враг сопротивлялся яростно. Например, батальон морской пехоты майора **Панфилова** на гладком каменном плато отбил 10 контратак противника и двинулся вперёд. Сапёрная рота этого полка сражалась как стрелковое подразделение.

Политорганы Северного флота и 14-й Армии выпустили листовки-«молнии», сопровождаемые указанием «Прочти и передай товарищу», в которых было написано: «Товарищи! Сегодня по приказу командования мы переходим государственную границу с Норвегией. В дружественную нам страну мы должны прийти не как захватчики, но как воины, несущие на своих штыках освобождение норвежскому народу. Мы должны показать, что Красная Армия — самая дисциплинированная и самая культурная армия в мире. Всегда помните об этом и покажите это на деле своей высокой воинской дисциплиной и культурой. Держите высоко честь советского воина!»

И например, другая листовка: «Воины Заполярья! На норвежской территории будьте чуткими и внимательными к местному населению!»

Части 14-й армии форсировали Бёк-фьорд и 25 октября овладели городом и портом Киркенес, а 27 октября — аэродромом и городом Наутси. 29 октября 14-я армия и Северный

флот практически завершили операцию по разгрому войск противника в Северной Финляндии и в северных районах Норвегии. Наступательные действия в Северной Норвегии завершились 9 ноября 1944 г., когда Ставка приказала перейти к обороне. Этот приказ был обусловлен многосторонним соглашением, заключённым в Лондоне ещё 16 мая 1944 г. Правда, специальный отряд продолжил преследование остатков войск противника, вышел на рубеж реки Тана и 13 ноября 1944 г. овладел населённым пунктом Тана.

Об инженерной поддержке наступавших североморцев

Инженерная поддержка наступательных действий морской пехоты осуществлялась всеми частями и подразделениями ИО СФ. Части инженерного отдела прокладывали пути через системы заграждений противника, возводили фортификационные сооружения, устанавливали минно-взрывные и проволочные заграждения на переднем крае, осуществляли разминирование освобожденных территорий и др. Ниже вкратце они перечислены.

Бойцы 338-го ОИБ (отдельного инженерного батальона), 508-й ОИР (отдельной инженерной роты), сапёрной роты 12-й БрМП (бригады морской пехоты) и сапёрной роты 63-й БрМП (бригады морской пехоты) непосредственно обеспечивали наступательные действия частей флота. В том числе, проделывали проходы в проволочных заграждениях и подрывали минные поля.

В порту Лиинахамари бойцы 180-го ОИБ (отдельного инженерного батальона) восстанавливали причалы, разбирали завалы, разминировали объекты.

Бойцы 357-й ОДР (отдельной дорожной роты), 338-го ОИБ (отдельного инженерного батальона), 508-го ОДБ (отдельного дорожного батальона) восстанавливали дорогу Титовка-Печенга, при этом разобрали завал (несколько тысяч кубометров камня!), образовавшийся от подрыва противником скалы высотой 15 метров и длиной 75 метров.

Рис. 29. Н. П. Жуков

После освобождения города Киркенес инженерные подразделения ИО СФ разминировали его порт, водолазы поднимали грузы с затонувших судов, восстанавливали причалы для приёма норвежских кораблей.

Всего в ходе операции «Вест» инженерными подразделениями ИО СФ разминировано 23000 мин, фугасов и «сюрпризов» противника.

Рис. 30. В. И. Мозговой

Прибытие в Лиинахамари командования и военных специалистов

После освобождения нашими войсками Печенгского района инженерные части проводили работы по передислокации 113-го отдельного артиллерийского дивизиона и обустройству Печенгской военно-морской базы. Порт Лиинахамари стал передовой базой для дальнейшего продвижения на запад. Флот продолжал оказывать содействие войскам Карельского фронта, наступавшим на Киркенес вдоль берега моря.

15 октября 1944 г. рано утром в Лиинахамари прибыло более 400 человек командного состава, в том числе: командир ПВМБ капитан 1 ранга **М. С. Клевенский**, начальник отделения инженерной службы ПВМБ майор **М. С. Бабушкин**, заместитель начальника ИО СФ по строительству инженер-майор **Н. П. Жуков**, начальник Строительства № 90 инженер-майор **В. И. Мозговой**, командир 798-й ОСР старший лейтенант **С. М. Супрун** и другие руководители.

В этот же день в порт Лиинахамари прибыл командующий СФ адмирал **А. Г. Головко** со своим походным штабом. КП штаба Базы разместился в трофейной гостинице, в подвалах которой ранее саперами были обезврежены и изъяты тонны

Рис. 31. Финская гостиница, в которой располагался сначала немецкий, а затем советский штаб

взрывчатки и бомб. Но из-за стремительной атаки морского десанта немцы не успели ее взорвать.

В Лиинахамари инженерные подразделения ИО СФ ещё продолжали тушить пожары: горели склады угля, овса и пресованного сена; горели деревянные причалы № 2, № 3 и прочее.

В Инженерном Отделе СФ 15 октября 1944 г. почти никого из офицеров не оставалось: разъехались «по точкам». Телефоны звонили непрерывно, поскольку все участники большого общего дела пытались информировать друг друга и координировать свои действия. Оставшись помощником дежурного связиста, я в 19:00 сверил время и продолжил передачу телефонограмм по всем требуемым позывным.

Люди работали напряжённо. И все вместе слушали по радио Приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Говорил **Юрий Левитан**, в только ему одному присущей манере, торжественным тоном. Приказ оканчивался словами: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!». 15 октября 1944 г. Москва салютовала войскам, овладевшим городом Петсамо, 20-ю артиллерийскими залпами из 224

Рис. 32. Ю. Б. Левитан

Рис. 33. Связист
Александр Мозговой

орудий! Вскоре последовали новые Приказы Верховного Главнокомандующего: от 23 октября 1944 (освобождение Никеля, Ахмалаhti, Сальмиярви), от 25 октября 1944 г. (освобождение норвежского города Киркенес) и от 1 ноября 1944 г. (полное освобождение Печенгской области), в которых объявлялись благодарности, с том числе и инженерным частям СФ.

1 ноября 1944 г. «победный салют» прогремел несколько севернее порта Лиинахамари: это взорвали ненужный склад боеприпасов на трофейной 210-мм батарее.

2 ноября 1944 г. был произведен первый победный салют в Мурманске.

Связисты тянули телефонную линию от Лиинахамари к главной базе флота, взяв обязательство обеспечить устойчивую и постоянную связь к 7 ноября 1944 года.

А пока связь с Лиинахамари обеспечивалась самолётом-амфибией «Каталина» и быстроходными боевыми кораблями СФ. Мне довелось быть одним из связистов-курьеров. Уже 18 октября 1944 г. доставил служебную почту из ИО СФ в Лиинахамари. Первая поездка (полёт) в порт Лиинахамари особенно запомнилась.

Я заменял отошедшего от телефона связиста в ИО СФ и вдруг услышал, что офицер ищет курьера (назвал по фамилии), который, по совместительству, исполнял должность почтальона. Я с надеждой в голосе сказал: «Товарищ старший лейтенант, курьер послан на задание! Пошлите меня с бумагами!» «Это не бумаги, а документы! Впрочем, документы не имеют грифа секретности». Он тут же сходил к инженер-полковнику **Тихону Павловичу Ефимову** (начальнику ИО СФ). Выйдя из кабинета, вручил мне чистый бланк и сказал: «Отпечатай для себя! Полетишь самолётом! Курьера нет, ты прав! Он выполняет другое задание». Я сел за пишущую машину,

Рис. 34. Catalina PBY1

отпечатал, назвав себя курьером. Получил подпись и печать, расписался в получении пакета. Машина ГАЗ-67б стояла у крыльца. До губы Грязная всего километров 5–6. Катер подвёз к гидросамолёту «Каталина».

Пассажиры — сухопутные офицеры — тут же достали колбасу, хлеб, бутылочку водки. Лётчик улыбнулся и сказал: «Поторапливайтесь, или же вы прольёте драгоценную влагу на крутых виражах». Заметив недоумение на лицах, добавил: «Самолёты противника в воздухе! Правда, нас будут сопровождать наши истребители». Солидный пассажир в лётной форме спокойно произнёс: «Лётчики Люфтваффе теперь не стремятся вступать в воздушные бои. Видать, им хочется живыми возвратиться к своим семьям. Они же видят: война, фронт приближаются к их домам!»

В обед «Каталина» приводнилась в порту Лиинахамари. Стояла плюсовая температура, шёл мокрый снег, попадая на одежду, моментально впитывался, и одежда намокала. Кое-где сохранился снег и лёд, но кругом преобладала слякоть. А ведь накануне была хорошая погода. Даже солнце, хоть и у самого горизонта. Так я впервые оказался в порту Лиинахамари, днём

18 октября 1944 г. Самолёт должен был через два часа лететь обратно. Я сказал, что не успею к отлёту, пусть не беспокоятся! Проходя по причалу, нужно было осмотрительно обходить «дыры», а в порту и городке — следить за надписями: «Проверено. Мин нет». Пошёл к штабу, разместившемуся в здании уцелевшей трофейной гостиницы. Часть пути пролегла как бы по уступу. Справа — возвышалась крутая скала. Слева — опускался к заливу крутой обрыв. Но мне, уже знавшему берег Кольского залива, такая местность не была в диковинку. Пахло гарью от пожаров. Это также было знакомо. (Пожары продолжали тушить ещё двое суток!). Видел трупы «эдельвейсовцев», но они лежали целёхонькими. (В Туапсе после первого серьёзного налёта 23 марта 1942 г. мы собирали и укладывали в телегу части человеческих тел, разорванных авиабомбой. Тогда я прибежал к месту трагедии, потому что надо было найти останки моей тётушки, **Зинаиды Михайловны Свиридовой**, и других близких. Между ветвей сломанного дерева обнаружил ногу погибшей соседки. Нога была дефектной, и потому — приметной.)

Увидел перевёрнутую телегу с ящиками и конский труп. Из раскрывшегося ящика выпали противотанковые мины. Я подумал, что надо проверить остальные ящики! Ведь сапёр уезжал навсегда, значит, он должен был захватить с собой свои пожитки! Но мне нужно было торопиться в штаб.

Над портом проносились «яки». Один флотский сказал, что час-полтора назад были замечены вражеские самолёты, по-видимому — разведчики. Несколько раз слышались взрывы со стороны фьорда: скорее всего, подрывали затраленные мины.

На второй день моего пребывания в Лиинахамари, т. е. 19 октября 1944 г., помощник начальника Строительства № 90 капитан **В. Е. Вершинин** сказал: «Хоть вы, молодой человек, и исполняете обязанности связиста, но у вас есть время, чтобы поискать в порту и в городке различный строительный инструмент: рубанки с железками, бурава, напильники, алмазные стеклорезы, рулетки. Но особенно — электроинструмент и пневмоинструмент: электродрели, отбойные молотки,

электропилы! И строительное оборудование! И стройматериалы! Ведь нужны: и круглый лес, и пиломатериалы, и фанера, и молотый мел, и огнеупорный кирпич, и многое другое!»

Ежедневно я что-либо находил и, если позволяли силы, сам доставлял к палатке Строительства №90. Увидел на земле зелёную вывеску с белым цветком эдельвейса, т. е. эмблему «Эдельвейс», сброшенную с фасада здания. Подумал: «Это же — наш трофей, который должен находиться в музее славы Северного флота!» Этой эмблемой гордились горные стрелки. Ведь они — военные профессионалы. Именно им Гитлер поручил взять Мурманск и отрезать СССР от морской связи с союзниками. И что же? За четыре месяца наступления (с июня по сентябрь 1941 г.) «эдельвейсовцы» продвинулись всего лишь на 20–30 километров. Далее все три года морально-психологическое превосходство было на нашей стороне. Ценою героических усилий и жертв североморцы выполняли свою задачу по защите Мурманска, а «эдельвейсовцы» не могли выполнить их задачу по взятию Мурманска.

Приехавшая из моего города Туапсе **Александра Петровна Руденко** (жена парторга ИО СФ капитана **Владимира Лазаревича Руденко**) рассказала, что горные стрелки — альпинисты «Эдельвейса» — 21 октября 1942 г. взобрались на вершину Семашхо (1 035 м), с которой увидели Чёрное море и город Туапсе. Но уже 23 октября 1942 г. наши бойцы поднялись на гору Семашхо со стороны селения Анастасиевка по более сложному маршруту. И лишь нескольким «эдельвейсовцам» удалось унести свои ноги! Когда же Красная Армия начала уничтожение окружённых под Сталинградом 22-х дивизий, «Эдельвейс» поспешно эвакуировался с Кавказа.

Находил я различный строительный инструмент: алмазный стеклорез, рулетку, стальной метр, напильники, электрорубанок, абразивный круг. Самой крупной находкой явилась бетономешалка, которую старший лейтенант **Н. М. Костяной** поспешил перевезти на полуостров Крестовый, где предвиделись

Рис. 35. В. Е. Вершинин

зимние бетонные работы. Важной находкой была и большая двуручная лебёдка, которую, по приказу командира роты старшего лейтенанта **С. М. Супруна**, сразу же перевезли на полуостров для затаскивания грузов от причала на высокий берег.

Морем на базу были доставлены кони Строительства № 90, сани, телеги и всё конское снаряжение. Поэтому я привёз на телеге несколько тюков прессованного сена, пахнущего дымом. Кони ели это сено. Привёз овёс, прокопчённый при пожаре. Привёз и солому для подстилки. Хоть и говорят, что кони спят стоя, но и коню необходимо полежать на сухом! Когда же увидел конские противогазы, очень удивился. И также привёз их.

Поскольку сухопутный противник ещё находился сравнительно недалеко, в Норвегии, на столе дежурного связиста рядом с телефоном легла выписка из приказа командира базы о тревожных оповещениях:

Боевая тревога! — по телефону передать «ВАЛ»; в воздух — три красных ракеты.

Боевая готовность № 1! — по телефону передавать «БГ-1»; в воздух — две красных ракеты.

Боевая готовность № 2! — по телефону — «БГ-2»; в воздух — одна красная ракета.

Боеготовность № 3! — по телефону — «БГ-3»; в воздух — серия белых ракет.

Воздушная тревога! — по телефону «ВОЗДУХ», «Личный состав расположить в укрытиях»; громкие звонки (ударами в металлический предмет).

Танковая опасность! — по телефону — «ТАНКИ»; в воздух — серия красных ракет.

Химическое нападение! — по телефону — «ГАЗЫ»; тройные звонки (тройными ударами в металлический предмет).

Практически, из перечисленных опасностей, мне понадобилось лишь оповещение «Воздух»!

БГ-3, БГ-2 и БГ-1 вводили, когда у горла Петсамо-вуоно появлялись подводные лодки противника, и в предупредительных целях — для охраны проходящего конвоя.

Оповещение «Химическое нападение!» применялось всякий раз при проведении учений по защите от такового.

Первые трудности

В первые же дни я доставил в ИО СФ два объёмных пакета с перечнем всего, что требовалось Строительству № 90 для создания батарей. Поздоровался с майором интендантской службы **Галкиным**. Тот ответил: «Да, да! Начальник Строительства № 90 звонил, что пакет с заявками мне направлен». Внимательно посмотрел заявки, касающиеся его службы, и начал объяснять, что и на Черноморском флоте идёт восстановление ВМБ (военно-морских баз) от Новороссийска до Дуная, также и на Краснознаменном Балтийском флоте — от Выборга до Восточной Пруссии. Ему, майору Галкину, трудно будет добиться от Инженерного Управления ВМФ поддержки в срочной реализации рассматриваемых заявок. «Буду стараться, но в какое время получим, я не знаю», — закончил майор Галкин.

Со вторым пакетом я направился в кабинет инженер-майора **Александра Дмитриевича Семенчука**. Дважды пробежав глазами листы заявок, А. Д. Семенчук покачал головой и сказал: «Везде требуется то же самое, что заказывают начальник и главный инженер Строительства № 90. Огромную территорию мы освободили от захватчиков. И везде страна ликвидирует разрушения. Сколько же сложной строительной техники и даже простейшего инструмента требуется освобождённым территориям! Всё нужное и всем сразу дать невозможно! Передай **Владимиру Ивановичу Мозговому**, что я приложу все силы, чтобы добиться срочной поставки по его заявкам!»

Ещё продолжалась Великая Отечественная война, а в сотнях городов и в тысячах сёл нашей страны уже началась активная ликвидация разрухи.

К сожалению, подтвердились опасения майора интендантской службы Галкина и инженер-майора А. Д. Семенчука о невозможности своевременного обеспечения строителей необходимым стройматериалом и оборудованием.

Даже полученный инструмент был часто некомплектным! Например: электрорубанки — без ножей (фрез), электропилы — без дисков, рубанки — с фуганочными железками и т. д.

Рис. 36. Студебеккер US-6

Не лучше было и с транспортом: вместо обещанных 9-ти, получено 5 автомашин, из коих на ходу только две (студебеккер US-6). Машины поступили без аккумуляторов, инструмента, запчастей, цепей для езды по гололёду. Только один из двух полученных гусеничных тракторов был на ходу. Второй требовал капитального ремонта.

Надёжным транспортом были кони. Все 12 коней были здоровыми, полностью обеспеченными фуражом, упряжью (сбруей), телегами и санями. Для них строители поспешили соорудить конюшню до наступления больших холодов (к 20 ноября 1944 г.).

При комплектовании 798-й ОСР в неё направили людей, многие из которых имели медицинские справки, подтверждающие их невозможность выполнять тяжёлые физические работы вследствие ослабленного здоровья. Большинство из строителей успели отвоеваться либо на передовой, либо на боевых кораблях, имели ранения, контузии и попали в строительную часть по заключению медицинской комиссии.

Лейтенант медицинской службы **Георгий Алексеевич Ирхин** ещё на стадии составления списков будущих бойцов ОСР пытался добиться, чтобы в роту были зачислены

физически крепкие люди. Обращался к высокому медицинскому начальству. Ему ответили, что наиболее здоровые бойцы нужнее в инженерно-десантной роте. На это Ирхин возразил, сказав, что строителям предстоит многократно, изо дня в день, в течение всей зимы, в любую погоду, поднимать от причалов наверх (а это — несколько десятков метров по вертикали!) брёвна, кирпичи, мешки с цементом и прочие вещи, которые гораздо тяжелее штатного вооружения десантников. Строителям предстоят длительные тяжёлые работы на самых продуваемых свирепыми ветрами местах, которые выбраны как наиболее выгодные тактические позиции для береговой артиллерии. И в оттепель, когда одежда насквозь промокает, и в крепкие морозы, когда вспотевший от интенсивной работы человек может запросто простудиться!

Строительная рота не имела опытных строителей. Среди бойцов 798-й ОСР не было профессиональных плотников, стекольщиков, столяров, каменщиков, печников, штукатуров, кузнецов, сварщиков. Был только один шофёр с водительскими правами. Людей надо было обучать строительным специальностям в ходе каждодневных работ! Инженер-майор **В. И. Мозговой**, начавший свой «строительный» стаж 13-летним парнем (конным рассыльным на стройке дороги «Туапсе-Сочи»), находил время, чтобы практически обучать людей, оказавшихся в рядах строителей.

В роте было 35 человек сержантского состава. Эти люди достойно выдержали фронтовые нагрузки, заслужили уважения как бойцы! Многие попали в строители из морской пехоты, имели военные знания и навыки на высококлассном уровне. Но, не имея строительных навыков, они не могли показать рядовым строителям, как выполняется та или иная технологическая операция. Сержанты сами, собственными руками, не умели ни печи класть, ни столярничать, ни слесарничать, ни штукатурить... На стройке они чувствовали себя неуютно, почти лишними людьми. Командир роты настойчиво просил заменить уважаемых сержантов на рядовых специалистов.

Бойцы-строители понимали, что от их усилий зависит нормальная жизнедеятельность базы. Работали обычно

сверхурочно, в условиях полярной ночи, при свете от дизель-генератора, а то и от обычного костра. Коллектив Строительства № 90 и 798-й ОСР работал настолько напряжённо, что некогда было обустроить собственный быт. Как гласит пословица «сапожник без сапог», так и строители — жили в палатках, на кострах готовили пищу и на кострах сушили вконец промокшее обмундирование (получая замечания патрулей о несоблюдении светомаскировки).

На оставленных противником береговых батареях частично сохранились жилые помещения (землянки и блиндажи), в которых могли бы отдыхать строители, сооружая свои батареи. Но командование флота поторопилось передислоцировать артдивизион (а точнее, просто переселить самих артиллеристов) на эти, ещё не подготовленные для боевых действий, позиции. Поэтому строители ежедневно тратили много времени на переезды по фьорду Петсамо-вуоно: от Лиинахамари — на Ристи-ниemi (Нурмен-сетти), Нумеро-ниemi и Крестовый, затем — обратно.

Одним словом, военным строителям приходилось жертвовать и личным отдыхом, и личными удобствами ради создания более сносных условий быта другим североморцам, разместившимся на базе.

Если сравнить условия быта различных подразделений, дислоцированных на базе, то в наиболее трудных условиях (после строителей) оказались зенитчики. Ведь они сразу же по прибытии в Лиинахамари должны были обеспечить противовоздушную оборону, а вот о собственном быте им было некогда позаботиться. Они срочно соорудили для себя полуземлянки-полушалаша из хвороста и торфа. Погода была неустойчивой, мокрый снег таял, и вода капала в их убогие жилища.

Кратко о береговой батарее

При слове «батарея» гражданские люди представляют несколько пушек, установленных на огневой позиции. Нет! Береговая артиллерийская батарея — это не только пушки. И не только артсистемы, включающие все приборы и всё сложное

оборудование, необходимое этим пушкам для прицельной стрельбы. Это совершенно автономный военный гарнизон, в котором имеются различные сооружения и для боевой, и для хозяйственной деятельности. Современному гражданскому читателю трудно представить, что предстояло построить на каждой из батарей, входивших в 113-й отдельный артиллерийский дивизион. Поэтому перечисляю.

Первое — артсистема. Пушки устанавливались на стальные опорные плиты, заделанные в железобетонный фундамент. Этот фундамент — часть «огневого дворика» 7×7 метров, вокруг которого возвышался прочный вал (бруствер), имевший ниши для расходного боезапаса и бетонные желоба для прокладки кабелей.

ЦП — центральный пост, имевший вычислительное (в те годы — аналоговое) устройство, которое выдавало исходные данные для стрельбы: дальность до цели и упреждённый азимут цели.

ДП — дальномерный пост. Один ДП работал по водному плёсу, другой — по воздушным целям.

Агрегатные — помещения для дизель-генераторов мощностью 140 л. с. и 30 л. с., которые обеспечивали электроэнергией объекты батареи: пушки, ПУС (приборы управления стрельбой), компрессоры для воздухообеспечения высокого давления и другие.

Аккумуляторные (на случай отказа дизель-генераторов).

Погреба боезапаса, выдолбленные в скальном грунте.

КП — командный пост (боевая рубка), из которого командир батареи руководил при стрельбе.

ПС — прожекторная станция с двигателем на 73 л. с.

Укрытия для орудийных расчётов (от внезапного огневого налёта противника).

Кроме того, огневые позиции для пулемётного взвода, охранявшего батарею от диверсионных отрядов противника.

Далее следовали объекты, которые не участвовали непосредственно в бою, но необходимые для жизни.

Морские причалы (например, плавучие) для приёма или отправления грузов морем.

Конюшня с сеновалом. (В Заполярье не везде пароконная повозка проедет, нужны и вьючные кони).

Камбуз (кухня-столовая).

Хлебопекарня.

Водозабор и водопровод питьевой воды.

Землянки личного состава от 6-ти до 32-х человек (при минимальной норме 2,5 кв. м/чел и 5,8 куб. м/чел).

Баня-прачечная (она же обмывочный пункт в случае применения боевых отравляющих веществ).

Санчасть с лазаретом минимум на 3 койки.

Хранилище для дизельного топлива.

Овощехранилище.

Хозяйственные склады (вещевые, дровяные, продовольственные и другие).

Хозяйственная мастерская для выполнения слесарных, столярных, шорных и прочих работ.

Гальюн (туалет) минимум на три очка.

Клуб с ленинской комнатой для политической и военно-технической подготовки личного состава.

Печное отопление и электрическое освещение во всех помещениях, в которых это положено по правилам.

Маскировочные устройства против обнаружения батареи с воздуха или с моря: металлические и деревянные «зонты», кустарники и другое — для маскировки пушек и всех построек батареи.

Две-три ложных батареи с человеческими «чучелами» и имитацией артиллерийской стрельбы.

Состав 113-го ОАД

В 113-й артдивизион входили четыре береговых батареи (№№ 140, 221, 858 и 210), 7-взводная 700-я ОПР (отдельная пулемётная рота) и, конечно, управление (штаб) дивизиона с радиоцентром и телефонным коммутатором.

Вот теперь прикиньте, как быстро возможно построить всё упомянутое силами Строительства № 90 и 798-й ОСР! Всего триста человек, среди которых почти не было

профессиональных строителей, и большинство из бойцов имело ослабленное здоровье. И не было современной строительной техники. Работы предстояло начать немедленно после взятия Лиинахамари, да ещё в зимнюю полярную ночь.

Строители ещё не знали, что в дополнение к дальнобойным крупнокалиберным береговым батареям 113-го ОАД, им будет поручено строительство противокатерных (противодесантных) артиллерийских батарей ОВР (охраны водного района), а также восстановление полуразрушенных и строительство новых сооружений и зданий в порту и в городке Лиинахамари.

Постройка береговых артиллерийских батарей

Места для береговых батарей были определены ещё противником, занимавшим выгодные позиции вокруг фьорда Петсамо-вуоно. Теперь на этих местах предстояло построить наши батареи.

С первого же дня строители начали подготовительные работы: удаление полностью негодных сооружений и восстановление тех, которые годились для эксплуатации. Работы были небезопасны, потому что вокруг батарей располагались минные поля, которые удалось ликвидировать только после схода снежного покрова, во второй половине лета 1945 года.

Так как доставка на полуострова различных грузов и самих строителей осуществлялась морским путём, были построены (либо восстановлены трофейные) причалы.

Естественно, что первыми должны быть установлены сами пушки! Затем — другие составляющие артсистем, одним словом, то, что необходимо для стрельбы по неприятелю! Остальное — во вторую очередь.

*Береговая батарея № 221 (4x130/50)
Противокатерная батарея № 208 (4x45/46)*

К западу от горла Петсамо-вуоно расположен полуостров Нурмен-сетти с мысом Ристи-ниemi. Здесь располагались германская открытая 4-х орудийная 150-мм батарея и две

Рис. 37. Г. И. Монахов

Рис. 38. И. М. Детсков

башенных 2-х орудийных 150-мм батареи. Кроме того, имелась недостроенная противником позиция башенной батареи.

При срочной эвакуации противник взорвал орудия и 2 тоннельных склада боеприпасов. Другие разрушения являлись следствием огневого налёта 113-го ОАД.

Посмотрев на полуразрушенный кирпичный домик, старший техник-лейтенант **Григорий Ильич Монахов** (начальник инженерной службы 113-го ОАД) сказал: «Наша работа! Этот фрицевский домик разберём по кирпичику и сложим печи для наших артиллеристов». Ему возразил старший лейтенант **Иван Михайлович Детсков** (командир взвода 798-й ОСР, в прошлом — политрук): «Говорят, что ломать — не строить. Во-первых, домик этот вовсе не фрицевский, его давным-давно построили местные финны. Во-вторых, мы — строители, а не разрушители.

В-третьих — мы восстановим этот домик и обустроим в нём хлебопекарню! Для вас, артиллеристов».

Германский ЦП также был сильно повреждён нашим снарядом крупного калибра. И потолок, и стены его имели сквозные трещины. **Г. И. Монахов** и по этому поводу произнёс: «Это наш снаряд так его трахнул!» Как бы отвечая **Григорию Ильичу, Иван Михайлович** покачал головой и сказал: «Да, вы хорошо трахнули! В результате — тут нам предстоит серьёзный капитальный ремонт».

На германских открытых фундаментах оказалось возможным установить 4-х орудийную 130/50 Краснознамённую батарею № 221. Закладные части фундамента германских 150-мм орудий сохранились и подходили под наши артсистемы Б-13-2с.

Краснознамённая батарея № 221 замечательна тем, что в истории Великой Отечественной войны она самой первой

открыла счёт потопленным вражеским кораблям! Артиллеристы батареи были готовы к неожиданному появлению вражеских целей, потому что нарком ВМФ, адмирал флота **Николай Герасимович Кузнецов** по собственной инициативе и своевременно 19 июня 1941 года ввёл повышенную оперативную (боевую) готовность на кораблях и в частях ВМФ. Эта береговая батарея за время войны подверглась самым многочисленным ударам противника, потому что успешно накрывала цели, появившиеся во фьорде Петсамо-вуоно.

И теперь эта батарея № 221 удостоилась занять самую западную позицию на наших морских рубежах. Её пушки (артсистема Б-13-2с) позволяли вести прицельный огонь на дальность до 140 кабельтовых, это по сухопутной арифметике равно 25 км. Командиром Краснознамённой батареи на новом её месте, т. е. на полуострове Нурменсетти, был назначен старший лейтенант **Виктор Владиславович Кашевский**. Он часто звонил в управление Строительства № 90, поторапливал строителей, но и старался помочь им.

К Новому году были закончены работы по подготовке фундаментов и орудийных дворики для установки орудий. 18 января 1945 г. на огневую позицию была доставлена матчасть батареи № 221, а 11 февраля 1945 г. — её пушки уже отстреляны.

Были близки к завершению работы по восстановлению и приспособлению КП. С потолка и стен ЦП (центрального поста) текла вода. Пришлось капитально восстанавливать сооружение, прежде чем устанавливать в нём свои приборы.

К Новому году построен камбуз (кухня-столовая) и начато строительство землянки для командира и хлебопекарни в восстановленном кирпичном домике.

Рис. 39. Н. Г. Кузнецов

Рис. 40. В. В. Кашевский

Когда морем прибыл кирпич, его начали носить с причала в гору, вдвоём, на носилках. Это было страшно неудобно. Спотыкались, падали. Разбивали и кирпичи, и собственные колени. Помнится, тогда отец рассказал: «Двоюродные братья моего деда Данилы Филипповича Мозгового обжигали кирпичи и отправляли их по Десне и Днепру в Киев. Так вот, с берега на баржу носили кирпичи не на носилках, а за спиной, на удобной деревянной «козе». Кстати сказать, в Киеве, по склону Владимирской горки, вьётся дорожка, вымощенная кирпичами, на каждом из которых выдавлено: «Братьевъ Мозговыхъ».

Когда понадобилось таскать брёвна с причала в гору, попробовали тащить трактором. Бревно упёрлось в выступ скалы, длинный трос лопнул и чуть не сшиб бойца, спешившего поправить положение бревна. Стали волочь брёвна конями. Кони вспотели, на спинах выступила пена. Дул холодный пронизывающий ветер. В перекур боец **Михаил Кириллович Демченко** (кубанский казак, из станицы Славинской) накрыл своего коня шинелью. Кто-то съязвил: «Ты бы свою кобылу ещё одеялом укутал!» Другие рассмеялись. «Видать, что вы городские и ничего не смыслите в конях! Казак, да и любой другой крестьянин, коня всегда берёт пуще самого себя! Падёт конь — семье крестьянской голодать. Надо знать, как уберечь разгорячённого коня от воспаления лёгких, как поить его после тяжёлой работы. На таком холодном ветру обязательно надо укрыть коня! Поставьте их всех рядом, вплотную друг к другу, чтобы им теплее было! Так поступают сами кони, находясь в табунах: они греют друг друга». Добрый совет М. К. Демченко выполнили.

Затем привезли лебёдку для затаскивания волоком брёвен и других тяжестей от уреза воды.

В марте 1945 г. на батарее № 221 произведен монтаж системы ПУС (приборов управления стрельбой) типа «Москва», были уставлены приборы ЦП (центрального поста), КП (командного поста) и ДП (дальномерного поста).

Из-за отсутствия компрессоров невозможно долбить скальную породу. Поэтому в марте 1945 г. кабели уложили в наземных бутобетонных желобах и засыпали их камнем.

В апреле построена рубленая агрегатная для ПУС, подготовлены траншеи, ниши на оружейных двориках для прокладки кабелей ПУС.

К концу полугодия полностью смонтирована и опробована система ПУС (приборы управления стрельбой). Завершено восстановление КП и шести оружейных погребов боезапаса, достроены ЦП и ДП, Агрегатная ПУС.

В течение 1945 года построены: железобетонный КП с печным отоплением и электроосвещением, каркасно-обшивной ЦП, также с печью и электроосвещением; два железобетонных НП (наблюдательных поста) с печами и электричеством, тоннельный погреб боезапаса, сборно-щитовой камбуз с печью и электроосвещением, четыре жилых помещения, сборно-щитовая санчасть с лазаретом.

Без печей и электроосвещения сданы сборно-щитовые: конюшня и два вещевых склада, сдана баня сборно-щитовая, естественно, с печью.

Во время строительства батареи её артиллеристы зимовали в сохранившихся неприятельских помещениях. Топлива для печей не хватало, и артиллеристы разрушили германский ДЗОТ на дрова, сожгли много погонных метров деревянных ограждений. Жившие по соседству бойцы СНИС (службы наблюдения и связи) также использовали перекрытие другого ДЗОТа на дрова. Весною пришлось им, согласно приказу, восстанавливать ДЗОТы, одалживая у строителей дефицитный круглый лес.

Естественно, что противокатерную 4-х оружейную 45 мм/46 кал батарею № 208 решили расположить на мысе Ристи-ниemi, чтобы преградить вход во фьорд Петсамо-вуоно. Для неё к Новому году были построены бетонные, заделанные в скалу, фундаменты и деревоземляные брустверы. Строительство землянок для командира батареи и для огневого взвода неоднократно приостанавливалось вследствие отсутствия стройматериалов.

На этом же полуострове расположилась 7-ми взводная 700-я ОПР (отдельная пулемётная рота) 113-го ОАД. Пулемётчики приданы артдивизиону для защиты всех батарей

дивизиона от внезапного нападения диверсионных отрядов противника. Вот, например, если бы на мысе Крестовый германские батареи имели охранение в таком составе, как 700-я ОПР, то отряду **И. П. Барченко-Емельянова** и **В. Н. Леонова** пришлось бы очень и очень туго. Но, к чести нашей разведки, у нас имелись точные сведения об охране мыса Крестовый.

Когда растаял снег, открылось сухопутное сообщение с Нурмен-сетти и Ристи-ниemi. За содержание в надлежащем состоянии этой дороги была ответственна 12-я БрМП (бригада морской пехоты), которая разместилась рядом со Строительством № 90 и 798-й ОСР.

*Береговая батарея № 140 (4x130/50)
управление 113-го ОАД*

С восточной стороны входа во фьорд Петсамо-вуоно расположен мыс Нумеро-ниemi, на котором находилась германская 150-мм батарея. Она почти полностью сохранилась, так как её личный состав «своевременно эвакуировался», успев подорвать только лишь сами пушки. Другие разрушения были следствием воздействия нашей артиллерии и авиации. Имелись старый древокаменный КП и новый железобетонный КП (фортификационное сооружение с 2,5 м толщины покрытием), а также недостроенные подземные убежища и склады боеприпасов, выдолбленные в скале. Подземные выработки обеспечивали укрытие личного состава и боезапаса. Подземные помещения имелись даже под орудийными блоками!

Для сообщения с Нумеро-ниemi строители тут же установили два причала.

Бытовые помещения германской батареи сохранились и обеспечивали размещение личного состава управления 113-го ОАД. Штаб дивизиона было решено разместить в трофейном железобетонном КП.

Пушки (4x130/50) батареи № 140 оказалось возможным расположить на германских бетонных фундаментах, заделанных в скалу, но закладные части германских 150-мм орудий не полностью подходили под наши артсистемы Б-13-2с.

К Новому 1945-му году были закончены подготовительные работы, в том числе демонтированы германские артсистемы. Демонтаж трофейных пушек производился вручную. Это оказалось весьма трудоёмким процессом, который был под силу только физически крепким мужчинам. Когда я увидел, как четыре бойца налегают на ручки лебёдки, то я, не без гордости, подумал: «Так это же я нашёл эту лебёдку!» Однако сдёрнуть с основания и оттащить в сторону трофейные пушки при помощи ручной лебёдки не удалось. Строители перешли на другие объекты, пока был закончен капитальный ремонт гусеничного трактора. Таким образом, из-за отсутствия техники подготовительные работы были завершены только к Новому 1945-му году.

Были использованы сохранившиеся германские 50-мм закладные стальные плиты, на которых, после переделки с помощью переходных барабанов, установили наши пушки 4x130/50.

В феврале 1945 г. все орудия батареи № 140 были установлены, кабели уложены в сохранившийся бетонный жёлоб.

В марте 1945 года КП (командный пост), ЦП (центральный пост), СОН (станцию орудийной наводки), АБУ (аналоговое вычислительное устройство) временно совместили с КП дивизиона, в бывшем германском железобетонном КП. В старом, деревокаменном германском КП началось сооружение агрегатной. Агрегатная — это помещение, в котором располагаются дизель-генераторы, компрессоры высокого давления и другие агрегаты, питающие энергией всю артсистему, в том числе: ЦП (центральный пост) и синхронную передачу на орудия исходных данных для стрельбы — упреждённого азимута цели и дальности до цели. Для круговых движений орудий в агрегатной был установлен дизель-генератор мощностью 140 л. с.

Вследствие острой нехватки стройматериалов работы неоднократно приостанавливались. Таким образом, только в марте 1945 г. закончен монтаж артсистем Б-13-2с на батарее № 140. И лишь к началу второго полугодия 1945 года орудия батареи № 140 были отстреляны.

В рубленом КП батарее производился монтаж ПУС «Москва».

Далее был построен ДП (дальномерный пост), закончено строительство бутобетонной агрегатной и аккумуляторной ПУС на месте деревоземляного старого германского КП. Практически завершено инженерное оборудование позиции.

На батарее были построены пять землянок личного состава, сборно-щитовые конюшня, хозмастерская, камбуз (кухня-столовая), гальюн, санчасть с лазаретом, баня-прачечная-обмывочная, хозсклад. Всё — с печным отоплением, но, временно, без электроосвещения. В дальнейшем было оборудовано электрическое освещение от дизель-генератора.

Здесь надобно добром упомянуть рабочих и бойцов Строительства 123 ИУ ВМФ (начальник строительства — Ш. А. Марголин). Это они изготавливали и посылали на Северный флот нужные «полуфабрикаты», из которых мы быстро возводили различные сборно-щитовые строения, деревянные причалы, маскировочные «зонты».

К концу первого полугодия 1945 года бывший германский железобетонный КП полностью перешёл под КП артдивизиона. Для Управления 113-го ОАД были построены: штаб дивизиона, радиоцентр, телефонный коммутатор, камбуз (кухня-столовая), пять хозскладов, шесть жилых помещений, хлебопекарня, санчасть с лазаретом, баня-прачечная-обмывочный пункт, конюшня с объёмным сеновалом, гальюн и дивизионная гауптвахта. Все постройки — сборно-щитовые, с печным отоплением и электроосвещением. Только КП — железобетонный, переоборудованный из германского. Конюшня — без печи и электроосвещения.

Командир дивизиона майор **М. Т. Потапов** и его артиллеристы старались, по возможности, оказывать физическую помощь строителям.

Противокатерная батарея № 207 (4-45/46)

Естественно, что на мысе Нумеро-ниemi расположили противокатерную (4x45/46) батарею № 207, чтобы преградить противнику вход во фьорд Петсамо-вуоно. Строили её в срочном режиме.

Рис. 41. На Крестовом. 14 октября 1944 г.

Но 17 ноября 1944 г. на строящиеся позиции нагрянула артиллерийская комиссия. Комиссия профессионально оценила плюсы и минусы расположения батарей в тактическом отношении. Комиссия нашла, что противокатерная батарея № 207 (4x45/46) расположена неудачно. Приказали бросить почти законченную позицию и срочно строить батарею № 207 на новом месте.

Были построены бетонные заделанные в скалу фундаменты и деревоземляные брустверы. Установили сами пушки и уже 25 декабря 1944 г. (на день европейского Рождества, о котором тогда не слышали) отстреляли их.

Строительство землянок для командира батареи и для огневого взвода некоторое время задерживалось из-за отсутствия стройматериалов.

Ни Строительство № 90, ни 798 ОСР не имели собственных плавсредств. По производственным надобностям надо было частенько ездить с батареи № 140 на батарею № 221 и обратно, то есть через Петсамо-вуоно. Вызывать мотобот из порта было сложно. Хорошо, что в декабре 1944 г. артдивизион получил катер. И стало возможным напрямую переправляться с одного полуострова на другой. В августе 1945 года 113-й ОАД получил трофейный моторный грузовой баркас водоизмещением 5 тонн и разъездной мотокатер ПК-198 водоизмещением

4 тонны. Они швартовались на двух причалах. Строители пользовались и этими судами.

Такие обычные понятия как «грунт» и «земляные» работы здесь означали колку сплошного каменного монолита. Поэтому для доработки оставшихся от противника выработок в скальной породе строителям приходилось производить дополнительно подрывные работы.

Для работ доставлялось много стройматериалов. Всё это строители поднимали от причала к позициям. А это несколько десятков метров, считая по вертикали! Использовали двуручную лебёдку, использовали коней, которые волоком тащили брёвна и другие тяжести. Когда прибыл кирпич, носили его на собственных спинах, соорудив, по эскизу, начерченному В. И. Мозговым, заплечные деревянные «козы». Повторяю: большинство бойцов имело ослабленное здоровье. Работали, превозмогая самих себя!

Береговая батарея № 858 (4x127/38)

На полуострове Крестовый, расположенным напротив порта Лиинахамари, находились две батареи противника: сухопутная 150-мм батарея и 2-орудийная 88-мм зенитная батарея. Обе были взяты внезапным нападением сводного отряда североморцев под командованием капитана И. П. Барченко-Емельянова и старшего лейтенанта В. Н. Леонова. Поэтому обе батареи сохранились. Имелся недостроенный подземный КП в скальной выработке.

На фото, сделанным **И.-Р. Л. Диамантом**, прекрасно видно, что позиция батареи позволяет простреливать весь фьорд Петсамо-вуоно.

Было решено установить здесь американскую открытую универсальную 4-орудийную 127/38 батарею № 858.

Уже к Новому 1945-му году в зимних условиях были вырыты котлованы и забетонированы фундаменты под орудия и агрегатные. Рытьё котлованов (а точнее — выдалбливание скального грунта) выполнялось вручную, ломами и киркомытыгами. Несколько раз пробовали закладывать и подрывать

взрывчатку. Грунт вывозили пароконными телегами. Не было ни экскаватора, ни бульдозера, ни компрессора для отбойных молотков! Заливка котлована бетоном в зимние холода требовала особо тщательного виброуплотнения бетонной массы тяжёлыми двуручными «бабами» и круглосуточного обогрева сырого бетона горячей водой, которую грели на кострах. Эти работы были весьма ответственными в технологическом отношении и требовали особого старания от исполнителей.

Рис. 42. В. М. Балезин

Тут произошёл комичный эпизод. Один боец с лукавой улыбочкой обратился ко мне: «Привет, товарищ младший инженер-майор! А зачем старший инженер-лейтенант заставляет нас обливать бетон горячей водой? Сам же он говорил, что бетону надобно побыстрее засохнуть!» (Боец имел в виду начальника участка, старшего инженер-лейтенанта **Владимира Михайловича Балезина**, который так же, как и В. И. Мозговой, был участником обороны Ленинграда.)

Я ответил: «Бетон не засыхает, а кристаллизуется. Вода не впитывается, а химическим путём соединяется с цементом, образуя новый минерал. Так что, товарищ старший краснофлотец, не мог старший инженер-лейтенант В. М. Балезин употребить слово «засохнуть». Конечно, он сказал слово «затвердеть»!

Отец на сей эпизод отреагировал так: «Это хорошо, что исполнитель выполняет приказ не слепо и пытается его осмыслить! Но любой человек мыслит на основе и в пределах своих априорных знаний и жизненного опыта. Надо, чтобы Владимир Михайлович провёл техническую учёбу с бетонщиками и популярно разъяснил суть технологического процесса». В. М. Балезин провёл занятия, блеснув знанием химических формул!

В марте 1945-го был закончен монтаж артсистем. В апреле построены бутобетонные агрегатные, по одной на два орудия. Из-за отсутствия печников и штукатуров, в агрегатных не были сложены печи, не были оштукатурены стены и потолки.

Бывший германский КП был приспособлен под КП батареи. Установлены два ДП (дальномерных поста), работавшие: один — по водному плёсу, другой, установленный над КП — зенитный. В системах ПУАЗО (приборов управления артиллерийским зенитным огнём) выдаются дополнительно и такие данные: угол возвышения цели и дистанционная установка взрывателей зенитных снарядов.

Переоборудованы орудийные дворники с нишами для расходного боезапаса. Затем были построены ЦП и агрегатная для ПУС. А к концу первого полугодия 1945 года орудия батареи № 858 отстреляны. Завершено строительство тоннельного погреба боеприпасов, естественно, без печи, но с электроосвещением.

В течение первого полугодия 1945 года на батарее № 858 были сданы не только КП (деревянно-бетонный) и НП (бетонный), но и жилые помещения, хозяйственный склад, баня-прачечная-обмывочный пункт, камбуз-столовая, клуб, санчасть. Все — сборно-щитовые, с печным отоплением и электроосвещением. Конюшня — без отопления и без электроосвещения.

Таким образом, в июле все строительные работы были завершены.

В течение 1945 г. был достроен в скальной выработке КП, начатый ещё немцами.

Другие батареи на мысе Крестовый

На мысе Крестовый строительство противокатерной батареи не предусматривалось. Близость его от порта Лиинахамари заставила установить там зенитную артиллерию. Были установлены: зенитная батарея № 988 (4 x 40-мм импортных орудия, типа «Бофорс»); зенитная батарея № 883 (4 x 76-мм орудия 189-го ЗАП). Кроме того, были оставлены две отремонтированные трофейные зенитные 88-мм пушки.

Если учесть, что универсальные американские 127-мм орудия также могли вести зенитную стрельбу, причем на большую дистанцию, можно было считать, что ПВМБ надёжно защищена от воздушного противника.

С наступлением светлых мартовских дней начались геодезические работы по «привязке» всех артбатарей 113-го ОАД и противокатерных батарей № 207 и № 208, то есть уточнение их координат на топографической карте.

Работы велись в местности, ещё не разминированной полностью. Сплошное разминирование местности стало возможным только в июле 1945-го, после таяния снегов. Для тщательной проверки одного квадратного километра одному сапёру требовался целый месяц непрерывной работы.

Сразу после завершения строительства артбатарей приступили к их маскировке от обнаружения батарей с воздуха и с моря. Устанавливали деревянные и металлические «зонты». С наступлением весны доставлялся грунт для пересаживания кустарников, производилось одернование и обсеменение грунта.

Понадобилась обыкновенная земля, а где её взять? Если кругом сплошной камень! Догадались заменить землю плодородным морским илом, который можно было добывать во время отливов на полосе осушки. Разница уровней отлива и прилива не одинакова. Она зависит от расположения Луны и Солнца, от силы и направления ветра, наконец, от очертаний берега и рельефа морского дна. Вблизи горла Петсамо-вуоно эта величина колеблется около 6 метров. Когда вода прибывала, появлялось сильное течение вдоль берега. Из соображений безопасности «работать на дне морском» разрешалось около получаса. За это короткое время надо было наполнить побольше земельных мешков и уложить их выше «большой воды». Затем этот мокрый, тяжеленный ил носили в земельных мешках на своих спинах, всякий раз поднимаясь 1–2 километра по обрывистым скатам, причём, на несколько десятков метров, считая по вертикали. На таком насыпном грунте высаживали кустики для маскировки объектов батарей.

В земельных мешках начали было носить с причала кирпич, но при такой технологии кирпич колелся. В. И. Мозговой приказал и тут сделать каждому носильщику старинную «козу», своего рода удобный заплечный ящик, в каком носили кирпичи при строительстве храмов. И носили, носили — по

каменистым осыпям, по болотной грязи, через заросли карликовых берёз.

На себе носили с причала и мешки с цементом, строительным мелом, асфальтом, и стальные балки, и швеллеры, и кровельную жёсть, фанеру и прочее.

Во второй половине 1945 г. началось строительство ложных артбатарей, способных имитировать артстрельбу. Предусматривалось даже устанавливать человеческие «чучела».

Береговая батарея № 210

В состав 113 ОАД входила ещё береговая батарея № 210 (4 x 152/56) на полуострове Средний. Как и другие батареи 113-го ОАД, эта батарея вынесла множество огневых артиллерийских ударов и авиационных налётов. В 1945 году Строительству № 90 было дано задание на капитальные строительные работы для указанной батареи, а также другие работы на полуостровах Средний и Рыбачий. Был образован второй (отдельный) строительный участок и в Строительству № 90 влился личный состав Строительства № 94.

Орудийные дворники соорудили каркасно-обшивного типа, с кольцевым ходом сообщения для подачи снарядов. Орудийные фундаменты сделали бетонные, с заделанными анкерными болтами.

КП, ЦП и ПП (пост питания) были надёжно защищены от 152-мм снарядов. Боевая рубка, дальномерные посты, 7 жилых землянок были защищены от осколков. Командная связь и кабели ПУС были проложены в траншеях.

В первых числах апреля 1945 были отстреляны все 4 орудия батареи. Затем построили погреб боезапаса, запасной КП, проекторную позицию. Был установлен 6-метровый дальномер.

В распоряжение батареи поступила импортная радиолокационная техника и начато строительство РЛС (радиолокационной станции).

Были построены: камбуз-столовая, санчасть с лазаретом, баня-прачечная-обмывочный пункт, конюшня, вещевого и продовольственный склады.

В июле и августе 1945 из Онежской губы были приведены буксирами морские «сплотки-сигары» круглого леса. Строителям пришлось поработать, вытаскивая тяжеленные (набухшие от морской воды) брёвна из моря на берег и втаскивая их к строящимся батареям.

В заключение была профессионально замаскирована действительная батарея и сооружена ложная батарея.

Базовое строительство

Инженер-майор В. И. Мозговой находился в двойном подчинении. С одной стороны, строительство значилось как Строительство № 90 ИО СФ. С другой стороны, оно же числилось как Строительство № 90 ПВМБ. Руководители ИО СФ и ПВМБ одновременно требовали от строителей срочного выполнения необходимых (действительно, необходимых!) работ. И это — при нехватке стройматериалов, строительного оборудования, транспорта (правда, гужевого транспорт был и содержался заботливо), инструмента и квалифицированных специалистов-строителей.

Порт и городок были почти полностью разрушены ударами авиации и артиллерии. Командир ПВМБ капитан 1 ранга **Михаил Сергеевич Клевенский** и начальник отделения инженерной службы ПВМБ майор **Михаил Степанович Бабушкин** считали первоочередной задачей военных строителей строительство объектов, которые создали бы хорошие условия для службы и повседневного быта гарнизона.

Начальник Инженерного Отдела СФ инженер-полковник **Тихон Павлович Ефимов** и его заместитель по строительству инженер-майор **Николай Петрович Жуков** считали первоочередной задачей военных строителей — строительство тяжёлых береговых батарей, которые создали бы со стороны моря непреодолимую преграду ещё недобитому противнику. Строительство № 90 и 798-я ОСР имели задание в кратчайший срок построить мощные береговые батареи 113-го ОАД, в названии которого к слову «краснознамённый» теперь было

Рис. 43. Т. П. Ефимов

добавлено «печенгский». Так же — срочно построить противокатерные батареи.

Своевременно получить нужное было непросто. Заявки начальника Строительства № 90 подолгу не реализовались службами ИО СФ. Заявки, составленные начальником Отделения инженерной службы Базы майором М. С. Бабушкиным и подписанные командиром ПВМБ капитаном 1 ранга М. С. Клевенским, «отваривались» гораздо быстрее. Но полученные грузы предназначались для строительства базовых объектов, а не береговых батарей.

М. С. Клевенский как-то обратил внимание В. И. Мозгового на то, что солдаты противника жили в хороших условиях, и что наши бойцы заслужили лучших условий.

Отец, хотя он и не был непосредственно подчинён командиру базы, согласился взять на себя, то есть на Строительству № 90 и 798 ОСР, дополнительные обязательства. Так были построены: КП базы со всеми вспомогательными помещениями, производственные помещения тыла базы; баня и прачечная базы, полевая хлебопекарня (до этого хлеб возили из Пумманки), различные хранилища и прочее. Восстановлено несколько зданий. Отремонтированы баня и два овощехранилища 72-го госпиталя.

Строительство № 90 восстановило причалы №№ 1, 4 и 7, построило штаб и КП для 189-го ЗАП (зенитного артиллерийского полка), что также не входило в перечень производственных задач Строительства № 90, утверждённый ИО СФ.

С приходом в базу 23-й инженерной роты начальник отделения инженерной службы майор М. С. Бабушкин попросил В. И. Мозгового регулярно давать инженерно-технические консультации по работам, выполнявшимся этой ротой. В. И. Мозговой согласился, и эти «консультации» отнимали немало времени.

Строительство «для себя»

Что же касается самих строителей (включая офицерский, сержантский, рядовой и вольнонаёмный состав), то они продолжали жить в летних палатках, утеплённых собственными силами. «Для себя», то есть и для Строительства, и для ОСР. Начали со строительства землянки для хранения оружия (каждому бойцу было положено иметь 15 патронов к винтовке и две ручных гранаты), конюшни с объёмным сеновалом, кузницы, столярной и механической мастерских. Эти объекты были крайне необходимы для технологических целей! И лишь затем, не считаясь с личным временем, строили камбуз-столовую, продовольственный и вещевой склады, овощехранилище, баню-прачечную, санчасть с лазаретом. В последнюю очередь построили жилые домики для командного и вольнонаёмного состава, для управления Строительства № 90, помещение для технической и политической учёбы (Ленинскую комнату).

Ещё раз следует упомянуть, что все работы выполнялись в обстановке острого дефицита строительных материалов, строительного оборудования и инструмента! Поэтому начальник строительства инженер-майор В. И. Мозговой и главные инженеры Строительства — инженер-майор **Аггей Семенович Соколов**, а после его перевода в ИО СФ — инженер-майор **А. И. Рузаков**, настойчиво предлагали всем строителям проявлять максимум изобретательности и инициативы. Вносились толковые предложения. Затем руководителям приходилось согласовывать эти рацпредложения с соответствующими инстанциями. Я возил эти бумаги (документы) в Ваенгу и обратно. Вносились всевозможные замены и корректировки проектной документации. Например, как быть, если отсутствуют компрессор и отбойный молот, но, согласно техдокументации, кабель положено уложить в жёлоб, выдолбленный в монолитной скале? Делали бутобетонный жёлоб и засыпали его толстым слоем камня. (Бутобетон — это смесь бетонной массы и втопленных

Рис. 44. А. С. Соколов

в неё наполнителей: щебня, кирпичного боя, гравия, камня. Размеры щебня, камней и прочих наполнителей не должны превышать половины толщины создаваемой конструкции. Наполнители используют с целью экономии бетонной массы.)

Не было краски «защитного» цвета. Предложили использовать коричневые отходы никелевого производства и другие подобные материалы.

И руководители, и непосредственные исполнители работ, и артиллеристы, для которых вводились батареи, были одинаково заинтересованы в быстрой и качественной стройке. В управлении Строительства № 90 не переставал звонить полевой телефон. Я принимал телефонограммы от позывных «Луна», «Мотор», «Ремень», «Пилотка», «Руль», «Гранит», «Чита» (это батареи 113-го ОАД и противокатерные батареи №№ 207 и 208), от позывного «Рубин» (это коммутатор базы). Передавал на батареи телефонограммы от руководителей Строительства № 90 и командования 798 ОСР...

Зато с чувством облегчения, с чувством удовлетворения строители сдавали комиссиям законченные объекты. Особенно когда комиссия принимала их с самой высокой оценкой. Ведь в каждый из объектов были вложены не только физические, но и душевные силы исполнителей. Что же касается завершения так называемых инженерных работ, то они продолжались весь 1945 год.

Немного о противнике

В 1941 году немцам не удалось достигнуть Мурманска. Противник понадеялся на авиацию и подводный флот. В налетах на город участвовало до 70 самолётов в сутки. Многие дома и строения Мурманска были разрушены, а деревянные — сожжены. Однако мурманчане продолжали выполнять всё, что требовалось для фронта и для жизни. Первоначальное превосходство Люфтваффе над Военно-воздушными силами Северного флота сменилось равновесием сил, а к началу 1944 года инициатива перешла к североморской авиации. Противник был вынужден прекратить массовые налёты.

В мае 1943 года лётчик Люфтваффе посадил свой «фокке-вульф» прямо на городскую улицу Мурманска. Если б такое случилось, к примеру, в Англии, все СМИ подробно написали. А у нас — молчок! То ли была вынужденная посадка, то ли к нам в гости пожаловал лётчик-антифашист?

«Непрощеным гостям» доводилось бывать в Мурманске лишь в качестве военнопленных. За время войны немало пленных, доставленных нашими фронтовыми разведчиками, провезли через Мурманск. Чекисты «языкам» индивидуальных экскурсий не устраивали. Но вот 23 октября 1944 г. военнопленным устроили прогулку по Мурманску, строем и под конвоем, чтобы они могли город посмотреть и себя показать.

После успешной операции «Вест» война на Севере, естественно, продолжалась. Авиация противника уже не могла наносить серьёзные удары. Правда, часто беспокоила своим появлением над районом базы, несколько раз «юнкеры» сбрасывали авиабомбы. Ревели тревоги, слышался шум своих или вражеских самолётов, стреляли зенитки, лучи прожекторов шарили по небу. Корабли отводили от причалов и ставили на якоря, рассредоточив их по акватории. Над базой часто барражировали наши самолёты «аэрокобры» и «киттихауки». Завидев наши истребители, вражеские лётчики уходили «домой».

Вражеские подводные лодки также появлялись поблизости от базы. Например, в середине ноября 1944 г. — даже в самом фьорде Петсамо-вуоно. Всякий раз противник убеждался, что охрана водного района и воздушного пространства базы успешно налажена, налажена с первых дней рождения Базы. И всё же каждый рейс «Кольский залив — Лиинахамари» был сопряжён с большим риском.

Противник активизировал войну на море. Нападения на суда и корабли несколько раз наносили тяжёлые потери. Так например, в первых числах декабря 1944 г. погибли от торпед транспорты «Революция» и «Пролетарий». 29 декабря 1944 г. затонул торпедированный подлодкой тральщик.

30 декабря 1944 г. вражеской торпедой была оторвана носовая часть транспорта «Тбилиси» (типа «Либерти», принятого от американцев в апреле 1944 г.). Несмотря на свирепый

шторм, транспорт удалось спасти и отбуксировать в Кольский залив. В середине января был торпедирован и затонул эсминец, шедший в одном из конвоев. Вскоре был торпедирован эсминец «Разъярённый». Когда его 21 января 1944 г. на буксире привели в Лиинахамари, было сложно пришвартовать эсминец к причалу. У корабля отсутствовала корма. Вместе с кормой пропало 33 моряка. Ещё несколько убитых подобрали на самом корабле и несколько человек умерли от полученных тяжёлых ранений. То, что корабль выдержал мощный взрыв и остался на плаву, доказывает высокий профессионализм кораблестроителей и отличную выучку моряков. «Разъярённый» простоял в порту до середины лета 1945 года.

В день рождения **В. И. Ленина**, 22 апреля 1945 г., когда до капитуляции Германии осталось менее месяца, был торпедирован и быстро (минут за 7) затонул транспорт «Онега», а у норвежского транспорта «Идефьорд» торпедой была сильно повреждена носовая часть. Транспорты шли в составе большого конвоя, который был атакован одновременно несколькими подводными лодками. Одну лодку удалось уничтожить.

Перечисление этих фактов может вызвать у читателя мысль, что противник действовал безнаказанно. Но не нет! Много вражеских подводных и надводных кораблей было уничтожено моряками и лётчиками СФ. И об их подвигах написано немало. Но данная публикация посвящена инженерно-строительным войскам СФ, поэтому действий других сил флота я касаюсь значительно меньше, в основном того, что мне стало известно от старших товарищей или позже, во время работы в архиве.

В апреле конвои «Англия — Кольский залив», «Кольский залив — Англия» продолжались. Конвои везли к нам вооружение, продовольствие. Но от нас они уходили не пустыми. Уже в ходе войны, начиная с марта 1942 года, СССР расплачивался с союзниками нужными последним грузами: апатитовый концентрат, хромовая руда, хлористый калий, магнетитовая руда, лекарственное сырьё, свиная щетина, скипидар и прочее. Летом 1945 г. возобновил работу Никелькомбинат, и тяжёлые американские самосвалы «Маск» (с мощными дизельными

двигателями и бульдогами на капоте) повезли руду в порт Лиинахамари. Эти самосвалы быстро разбили и без того подпорченную войной дорогу.

Война на Баренцевом море продолжалась. Союзники вносили свой вклад в общее дело. Например, 9 апреля 1945 г. английской авиацией был потоплен тяжёлый крейсер «Адмирал Шеер», который напал на конвои. Кстати сказать, именно в этот день наши войска овладели Кёнингсбергом — наиболее укреплённым городом-крепостью.

8 мая 1945 года был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил. Всем германским подводникам был отдан приказ: идти только в надводном положении, ничьих судов не топить, сдаваться только западным странам антигитлеровской коалиции, сообщить свои координаты. Однако 37 командиров германских подводных лодок не подтвердили своё согласие на сдачу в плен и не сообщили своих координат, а некоторые даже продолжали боевые действия. Так, через неделю после официального окончания войны, 16 мая 1945 г. невдалеке от горла Петсамо-вуоно была обнаружена подводная лодка, которой удалось уйти.

Что касается авиации противника, то «юнкерсы» время от времени появлялись в районе базы. Например, утром 1 января 1945 г. зенитчиками были сбиты два «Ю-88». 16 февраля 1945 г. были замечены 5 самолётов, но они поспешили уйти, когда навстречу им вылетели наши «аэрокобры» и «киттихауки». В Международный женский день, 8 марта 1945 года также были замечены вражеские самолёты, и над ПВМБ патрулировали наши истребители. Последний раз появлялся над Лиинахамари самолёт «Ю-88» в полдень 27 апреля 1945 г. Зенитчики вели огонь, но «юнкерс» ушёл на большой высоте.

Когда современные читатели видят в воспоминаниях моряков такие слова, как «катерный тральщик», «сторожевой корабль» и другие, они не знают, что многие из этих боевых кораблей были по своей конструкции гражданскими, в большинстве — рыболовными, судами, не имевшими никакой специальной защиты от ударов мин, снарядов, авиабомб, торпед. Как гражданские люди, эти небольшие суда были призваны на

защиту морских коммуникаций и нашего побережья. Бывшие рыболовные траулеры превратились в сторожевые корабли, а дрейфтер-боты — в сторожевые катера. (Дрейфтер-боты — это парусно-моторные суда водоизмещением до 500 тонн, оснащённые дрейфтерным шпилем для выбора сетей; они вымётывают рыболовные сети до 5 км длиной; ловят рыбу, ложась в дрейф на много часов). Бывшие мотоботы (водоизмещение в пределах 50–100 тонн) стали «выполнять обязанности» катерных тральщиков и посыльных судов. И так далее. Вспомните слова из песни: «На этих дубовых скорлупках железные люди плывут...» Воевать на таких «скорлупках» могли только отважные люди! И они достойно воевали!

Те же суда, которые продолжали свой профессиональный промысел, ловили рыбу не только на заминированных участках моря, но даже в простреливаемом противником Мотовском заливе.

Жизнь до 9 мая 1945 года

Первоначальная неразбериха быстро исчезала. База была поделена на несколько гарнизонов. Были запрещены самовольное хождение по территории базы рядовых бойцов без соответствующих документов, а также их поездки в Мурманск. Было запрещено ношение холодного оружия. Только каюры (погонщики оленей), в соответствии с их древними обычаями и особенностями работы, имели большие финские ножи. Эти северяне жили по-своему долгие века. Но в 1949 году их обезоружили.

С декабря 1944 г. установилась будничная жизнь всех гарнизонов базы. Проводились учения по затемнению кораблей и базы, по задымлению гавани и рассредоточению кораблей в бухте. Объявлялись учебные воздушные и химические тревоги. Авиация имитировала химическое нападение на позиции воинских частей, поливая их территорию соответствующими жидкостями. Проводились тактические двусторонние учения по отражению десанта. Проводились учебные стрельбы по воздушным (по конусу, буксируемому самолётом) и морским

целям (в том числе — по ночным светящимся целям). Проводились прожекторные учения и прочие.

Однако строителей всё это мало касалось.

Одним словом, жизнь Базы была заполнена повседневной активной деятельностью, и на этом фоне каждодневный тяжёлый труд строителей мог показаться (несведущим людям) несложным и скучным занятием.

Строителей тревожили постоянные заботы о стройматериалах, оборудовании и инструментах. Прибытие стройматериалов всегда было заметным событием. Например, 6 февраля 1945 г. к причалу № 7 пришвартовалась большая баржа с лесом. Разгружали её в авральном порядке.

Поначалу повседневный быт строителей был весьма суров. Согласно приказу, следовало с первого же дня начать работы на порученных объектах. Расположились в Лиинахамари в летних палатках, которые постепенно утепляли тем, что удавалось найти. Утеплённые зимние палатки получили только в феврале, когда Строительство № 90 и 798 ОСР уже прочно обосновались близ озера Пуро-ярви.

Бытовые условия не соответствовали никаким санитарным нормам, поэтому всем сделали противотифозные прививки.

Пищу готовили на костре. Однажды возник конфликт с патрулём, потребовавшим погасить костёр в связи с воздушной тревогой. Ответили патрульным: «Лучше умереть от авиабомбы, но сытому, чем умереть просто от голода».

У вернувшихся после работы в палатку мысли крутились вокруг простейших вещей: где и как высушить одежду и обувь, где и как выстирать бельё, где и как самому помыться, как ещё лучше утеплить и сделать палатку совершенно непромокаемой?

Освещалась палатка «катюшей» — горелкой, выполненной из снарядной гильзы. При таком свете читать было очень трудно, да и долго рассиживаться — нудно. Для отопления палаток дров не хватало. Окунали кирпич в горючее, он пропитывался. Кидали его в железную печку, и он горел. Неудивительно, что на Строительстве № 90 дотошная комиссия нашла перерасход горючего.

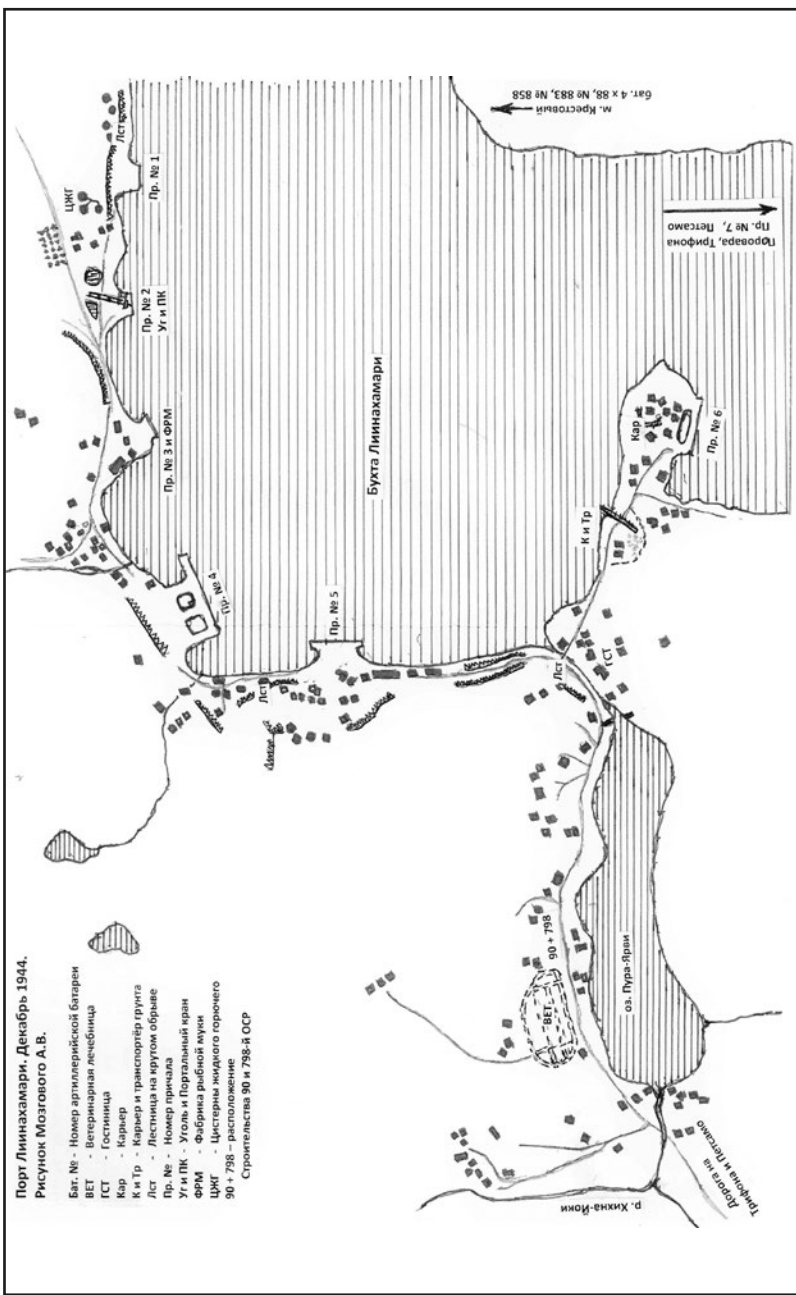

Рис. 45. Порт Линнахамари. Декабрь 1944 г. Рисунок А. В. Мозгового

Ложась спать, каждый думал о своём. У многих бойцов родственники и близкие, по несчастью, оставались на временно оккупированной противником территории. И если даже к данному дню территория была освобождена, тревога о родных не исчезла. Тем более что прошёл слух: к побывавшим в оккупации власти относятся с недоверием.

Я часто заходил в палатки, и по делам, и просто так. Однажды зашёл, когда **Михаил Кириллович Демченко** (мой земляк — кубанский казак) рассказывал товарищам о Библии. Он говорил, что Бог Отец был очень строг и жестоко наказывал людей за грехи. Целыми городами уничтожал! Но люди продолжали грешить! Более того, люди попытались добраться до самого Бога и начали строить Вавилонскую башню до самого неба. «И увидел Господь, что велико развращение человеков на Земле... И сказал Господь: ...истреблю с лица Земли человеков, которых я сотворил... Ибо я раскаялся, что создал их». Бог Отец устроил всемирный потоп. Одного лишь благочестивого Ноя пожалел. Выросли потомки Ноя, и снова появилась греховность — преступность. Понял Бог Отец, что никакая угроза смертной кары не остановит грешников — преступников. Да и страшна ли смертная казнь? Она же избавляет от мирских страданий! Смертная казнь — не высшая мера наказания, а месть, ради собственного душевного успокоения... «Не смертная казнь, а только добрая проповедь может образумить род человеческий!» — заключил Бог Отец. Вот и послал Бог Отец своего едиnorodного Бога Сына, (Иисуса Христа, значит), на грешную Землю. «И ходил Иисус по всей Галилее, уча и проповедуя... И так, всякого, кто слушает слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному... А всякий, кто слушал сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному... Народ дивился учению Его... Народ, сидевший во тьме, увидел свет великий...»

Кто-то, сидевший за моей спиной, произнёс: «Стало быть, Иисус проводил, говоря по-нынешнему, политико-воспитательную работу?». «Молчи, слушай!» — пробурчал другой.

Все, и я в том числе, слушали Михаила Кирилловича с большим вниманием. Когда рассказчик остановился, я решил

похвастать своими знаниями и сказал: «Моя бабушка говорила, что тогда женщины могли без мужей рожать? И даже дева Мария...». Меня перебил громкий смех и возглас: «Ну, без мужа и ныне любая баба может родить!»

Всё же я, из упрямства, продолжил: «Да, да! Даже мужчины могли рожать! Авраам родил Исаака. Исаак родил Иакова. Иаков родил Иуду и братьев его! А вот Адам жил 130 лет и родил Сифа!»

Снова дружный смех и реплика в мой адрес: «Ну, парень, не загибай! Все знают, что у Адама была Ева». Тут раздалась команда прекращать беседу: отбой ко сну для свободного от службы личного состава.

Я отправился в домик Строительства. Отец запретил мне вступать в беседы на религиозные темы, что-то сказав про научный атеизм, вечность и бесконечность Вселенной: «Вселенская истина до конца никогда не будет познана людьми! Так нужно ли спорить о Боге?»

Празднование 27-й годовщины Великого Октября (7 ноября) строители отметили в своём кругу. Точнее — не нашлось желающих получить увольнение и «погулять» по базе. Всё-таки, для большинства работа в те напряжённые дни была не просто утомительной, но даже изнурительной. Настроение не было праздничным, потому что впереди предстояла тяжёлая работа в условиях полярной зимы. Попробовали спеть песни, и на ум приходили грустные мотивы. Пели: «Там, далеко за тёмным бором оставил Родину свою, оставил мать свою, старушку, детей, любимую жену...» Затем — «Раскинулось море широко и волны бушуют...» При словах «Как вспомнишь, аж сердце болит...» стало ещё грустнее. Чтобы переключить коллектив с минорного лада на мажорный лад, запевала, не меняя мотива, неожиданно сменил слова:

«Майн Готт, мне не вынести русской зимы», —
Сказал резервист резервисту. —
«Здесь ночи полярные очень темны
И северный ветер неистов.
О русской земле мне Адольф говорил,
Её нет богаче и лучше!»

И каждый из наших от русской земли
Аж по три аршина получит!»

При мысли, что не только нам, но и солдатам противника тяжело, настроение несколько улучшилось. Ещё бодрее почувствовали себя, когда я принял поздравительные телефонограммы от командира базы **М. С. Клевенского** и от начальника ИО СФ **Т. П. Ефимова**.

Уже 8 ноября строители (и военные, и гражданские) начали изучать доклад товарища **Сталина**. Из доклада впервые узнали, что все наступательные действия РККА и Красного ВМФ за 1944 год Верховный Главнокомандующий пронумеровал. И что операция СФ «Вест» является частью «десятого удара» по врагу. Я внимательно слушал и старательно записывал в трофейный блокнот. На каждом его листочке, внизу, были напечатаны предупреждения о соблюдении бдительности: *Sieh sich um! Der Feind belauert!* (Оглянись! Враг подсматривает).

Через несколько дней после праздника получили дополнительное питание (сливочное масло и мясные консервы), которое наши водолазы в Киркенесе подняли из затопленного германского транспорта. «А масло это, наверняка, с Украины оккупанты забрали!» — сказал один боец. «Мясо, как я думаю, из нашей Белоруссии увезли, сволочи!» — сказал другой.

Как раз в праздник Великой Октябрьской социалистической революции прошёл слух, что через Лиинахамари должен проехать сам король Норвегии. Очень любопытно было бы увидеть настоящего, живого короля! Но короля строителям увидеть не пришлось.

Накануне Дня Сталинской конституции (5 декабря) я с документами для ИО СФ отправился из Лиинахамари на транспорте «Спартак» в составе большого конвоя. Море очень штормило. Качка, шум волн, ударявшихся о борт судна, и вой ветра не давали заснуть. Так, с 22 до 6 часов, я то лежал, то пытался ходить. Вдруг послышалось несколько пушечных выстрелов. Выбежал на палубу. Морские брызги били в лицо. В темноте ничего не мог увидеть. Спустился в трюм и всё-таки заснул, видимо, от психологического переутомления. В полдень 5 декабря 1944 г. я сошёл на мурманский берег. Краснофлотцы

говорили, что стреляли по подводной лодке. Что был торпедирован и затонул транспорт «Пролетарий», шедший в нашем конвое. Что удалось спасти только половину экипажа судна. В Ваенгу добрался поздно и только на следующий день выполнил задание.

По случаю 65-летия **И. В. Сталина** (21 декабря) пропагандист Строительства № 90 провёл беседу на тему: «Сталин — это Ленин сегодня». Тогда мне казалось, что 65 лет — это очень много! Но вот, перешагнув 80-летний рубеж, я продолжаю охотно участвовать в общественной жизни Совета ветеранов и моего города. Часто звонит телефон, приглашают на встречу со студентами и молодыми воинами военно-морской части. Даю историко-краеведческому музею материалы о простых туапсинцах, которые своими добрыми делами заслужили уважения потомков и светлой памяти. Хотим создать музей железнодорожников⁵...

Однако, продолжаю. На стене висел плакат: «Выше знамя Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина!» Тогда до сознания не доходил смысл фразы «Сталин — это Ленин сегодня». Через много лет я по воле судьбы сблизился с научной сотрудницей Центрального музея В. И. Ленина. Она позволила мне читать рукописи Фридриха Энгельса, собранные со всего мира. Читаю: *Belebe selbst und hilf, von anderem zu leben!* (Живи сам и помогай жить другим!) От этой фразы на ум пришёл старовер Савва Морозов, у которого работницы получали приличную по тем временам зарплату и жили в приличных по тем временам общежитиях. Тогда я подумал: «В практических делах фабрикантов Фридриха Энгельса и Саввы Морозова больше социализма, чем в решениях Никиты Хрущёва!» Сотрудница предупредила, что эта рукопись не подлежит публикации.

Незадолго до Нового 1945-го года получили американские солдатские ботинки и монгольские полушубки. Американские выворотные жёлтые ботинки промокали немедленно и насквозь. Видимо, они были изготовлены и предназначены для войны в африканской пустыне против армии гитлеровского

⁵ Ныне этот музей уже создан. — Прим. ред.

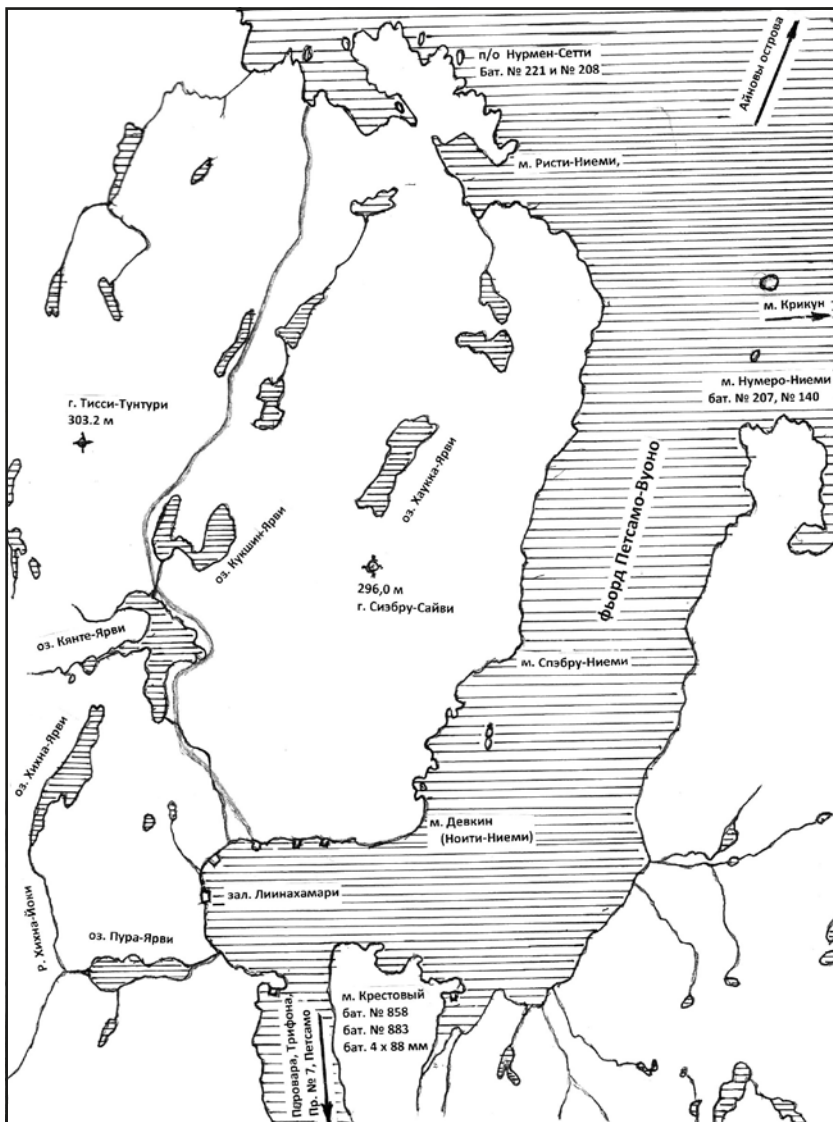

Рис. 46. Расположение береговых артиллерийских батарей. Декабрь 1944 г.

Рисунок А. В. Мозгового

генерал-фельдмаршала Э. О. Й. Роммеля. Заокеанские интенданты послали их нам в Заполярье.

А вот монгольские белоснежные полущубки были тёплые и мягкие! Монголия помогла нам и конями. Эти кони были небольшими, лохматыми и необычайно выносливыми, однако — табунными, полудикими. Не каждый ездовой мог приручить это свободолюбивое животное. Будучи запряжённым, конь с перепугу ломал свои ноги об оглобли или, перепрыгнув через оглобли, задыхался в хомуте.

На Новый год и последующие дни (совпавшие с православным Рождеством, которого тогда не отмечали) в Лиинахамари объявлялись воздушные тревоги, слышался гул самолётов, по небу рыскали лучи прожекторов, стреляли зенитки и доносились глухие звуки выстрелов крупнокалиберной артиллерии.

Что это было? То ли учения по отражению вражеского десанта, то ли действительное нападение? Привыкнув к таким событиям, строители отмечали Новый год, расслабившись от тяжких трудов. Говорили, что теперь солнце повернуло на лето, до которого, несомненно, доживём! Пели весёлые песни. Например, такую. Запевала: «Ко мне подходит санитарка...» Остальные хором: «...звать — Тамарка!» Запевала: «Давай, тебе перевяжу! И в санитарную машину...» Хор: «...студебеккер!» Запевала: «С собою рядом положу!» Хор: «Положу!? Ложись!» И все громко смеялись...

Дали мне гармошку «хромку», я заиграл плясовую. Кроме русской плясовой я умел играть лишь только частушки. Бойцы пошли в пляс вприсядку... Поскольку многие были из южных регионов страны, никто не пел матерных частушек.

Сразу же после отбоя тревоги строителей мобилизовали на выгрузку продовольствия, пришедшего из Мурманска.

Ещё запомнился новогодний праздник хорошей вестью, что в Венгрии объявилось какое-то временное правительство. Значит, союзница Германии решила прекратить войну?

С нового года официальный рабочий день строителей был определён, как 9-ти часовой. Однако, продолжали работать больше, если был стройматериал.

Для всех частей и подразделений базы был установлен твёрдый распорядок дня: Пробуждение 6:00. Уборка коек 6:00–6:10. Утренняя физзарядка 6:15–6:30. Умывание и личная гигиена 6:30–6:50. Завтрак 6:50–7:10. Подготовка к занятиям (или к работе) 7:10–7:25. Занятия (или работа) 7:25–11:30. Политинформация и подготовка к обеду 11:30–12:00. Обед и отдых 12:00–14:00. Занятия (или работа) 14:00–18:00. Ужин, смена наряда 18:00–19:00. Самостоятельные занятия 19:00–21:00. Вечерний чай 21:00–21:30. Вечерняя поверка 22:00. Отбой ко сну для всего, свободного от службы, личного состава 23:00.

Рис. 47. А. И. Рузаков

Таким образом, для всех военнослужащих базы был установлен 8-ми часовой «рабочий день», а для строителей — 9-часовой! Да ещё — физзарядка! Однако, у строителя весь его рабочий день — «физзарядка»! Командование ввело физзарядку в виде 15-минутной пробежки в рабочем обмундировании. Каждое утро впереди колонны бежали все офицеры, в том числе мой отец — начальник Строительства № 90 В. И. Мозговой. И конечно, я. Для меня 15-минутная пробежка не представляла никакого труда. Став взрослым, я до 70-летнего возраста ежедневно устраивал себе кросс по пересечённой местности, от 4-х до 12-ти километров.

Вскоре после Нового года, как раз на памятный «День кровавого воскресенья», то есть 9-го января, в Строительство был назначен главным инженером инженер-майор **Анатолий Иванович Рузаков**. С ним мы (отец и я) были знакомы с 1942 года по Строительству 123 ИУ ВМФ, где А. И. Рузаков, в то время ещё инженер-капитан, был начальником участка. В апреле 1944 года встречались с А. И. Рузаковым в посёлке Поньга Архангельской области.

Тогда и А. И. Рузаков, и мой отец совместно «обмывали» очередное звание инженер-майора. За столом оба новоиспечённых майора вспоминали как воевали, защищая блокадный Ленинград. И днём, и белыми ночами строители работали на виду у неприятеля, таскали тяжёлые брёвна для постройки

ДЗОТа. Стреляли вражеские снайперы, падали сражённые пулями бойцы. Чтобы защитить своих красноармейцев, В. И. Мозговой вооружился снайперской винтовкой и биноклем. Высмотрел и уничтожил двух снайперов.

И вот уже в Лиинахамари — новая встреча старых друзей. Встрече не удивились и были очень рады, потому что знали отличные деловые и личные человеческие качества А. С. Рузакова. А главный инженер Строительства №90 инженер-майор Соколов перешёл непосредственно в ИО СФ.

В день 27-й годовщины РККА и Красного ВМФ (23 февраля) — обильный снегопад, ветер около 3-х баллов и небольшой морозец (до минус 5-ти градусов). Слушали по радио приказ И. В. Сталина. Затем провели собрание военнослужащих и вольнонаёмных Строительства №90. Передовикам производства были объявлены благодарности от руководства Инженерного отдела СФ.

Флотские («флотскими» строители промеж себя называли корабельный состав СФ) отмечали праздник более празднично, потому что на кораблях соблюдался традиционный торжественный ритуал.

Через несколько дней (26 февраля 1945 г.) на мысе Крестовый произошёл комичный случай. Присел боец на ящик — и вдруг на нём загорелись брюки! Подумали, что противник при оставлении позиции облил её самовоспламеняющейся жидкостью. Но ведь на мысе Крестовый противник не оставлял своих позиций, а был либо уничтожен, либо взят в плен. Это вот наши самолёты обильно обработали вражескую сухопутную 150-мм батарею самовоспламеняющимся составом на основе фосфора! (Тогда же, когда сбросили сводному отряду Барченко-Емельянова и Леонова 5 парашютов с боеприпасами и продовольствием.) Но атмосферные условия задержали самовоспламенение. Подогрев фосфора до температуры человеческого тела (+36,6 гр.) плюс некоторая просушка его и вызвали самовозгорание!

В Международный женский день 8 марта 1945 г. погода была неприятной. Мороз небольшой, в пределах 5–10 градусов, но сильный ветер, баллов 6, и метель. Над базой барражировали

истребители. Это значило, что где-то поблизости замечены самолёты противника. И в этот праздничный день **М. С. Клевенский** убыл к новому месту службы. Отъезжавший тепло простился с людьми, которых он лично знал. В том числе с моим отцом и со мной. Отец с **М. С. Клевенским** были знакомы ещё с 1940 года. Тогда первый был начальником штаба Лиепайской ВМБ, а другой строил оборонительные объекты в Венспилсе. В первые дни войны отец участвовал в отражении десанта противника в Вентспилсе, а **М. С. Клевенский** привёл свои корабли из Лиепайи в Вентспилс. С отъездом **М. С. Клевенского** во временное командование Лиинахамарской ВМБ вступил капитан 1 ранга **Александр Дмитриевич Виноградов**.

Рис. 48. А. Д. Виноградов

По случаю Дня парижской коммуны (18 марта 1871 г.) пропагандист провёл интересную беседу, из которой мне запомнилось, что на баррикадах храбро сражались французские подростки. Вспоминая ту беседу, я думаю: «Парижская коммуна просуществовала 70 дней (я округляю цифры). Буржуазно-демократическая Россия — 7 месяцев. СССР — 70 лет. Какое будущее ждёт Россию?»

Иногда строителей посылали на авральные, не связанные с профессиональной деятельностью, работы. К примеру, в ноябре 1944 г. и в апреле 1945 г. строителей мобилизовывали на сбор и доставку к причалу № 6 металлолома, который требовался в качестве балласта при погрузке тяжёлой техники 14-й армии прямо на палубу транспорта «Диксон», что ухудшало остойчивость судна.

Свой пищевой рацион старались разнообразить рыбкой. В основном ее ловили традиционным способом, но иногда прибегали к более быстрым и эффективным методам. Вначале командование не запрещало глушить рыбу, хотя это, вообще-то, считается не только браконьерством, но и опасным «видом деятельности». Однако обстоятельства были необычные. Во-первых, не было возможности сразу обеспечить бойцов полноценным питанием. Во-вторых, предполагалось,

что прошедшие войну бойцы умеют грамотно обращаться с взрывчаткой. В-третьих, ущерб морской фауне от подрыва «браконьерами» десятка противотанковых гранат и противотанковых мин был ничтожно мал по сравнению с ежедневными подрывами плавающих мин, от взрыва торпед, от атак на вражеские подводные лодки, от артиллерийских стрельб по водному плёсу и других боевых надобностей. Когда оглушённая рыба всплывала, «рыбаки» сразу опознавали её. Если головой вверх, значит это — зубатка, если пузом вверх, значит это — треска. Разумеется, когда окончились боевые действия на море, прекратилось глушение рыбы взрывами мин, торпед, глубинных бомб и ныряющих снарядов, то тут же и «любительское» глушение рыбы было запрещено.

Всякий раз заметным событием было посещение базы адмиралом или генералом. Обычно связисты первыми получали сообщение и знали, что уже через 4 часа с небольшим начальство примчится на быстроходном эсминце. (Различные транспортные суда плелись из Кольского залива в Лиинахамари часов 12, а то и 16). Если о высокопоставленном визите не успевали предупредить, люди сами догадывались: в городе — по строгому поведению патрулей, в порту — по флагам на вновь прибывших кораблях. Но вот однажды, в середине декабря (с 12-го по 17-е) командующий Северным флотом адмирал **А. Г. Головкин** прибыл не обычным маршрутом: не морем, а на автомашине...

О северной стихии

Поначалу стояла нехолодная зима с частой переменной погоды, но постепенно становилась холоднее. Однажды возник особо пронзительный ветер и командир базы М. С. Клевенский, 15 января 1944 г. после полуночи приказал обзвонить все подразделения, имевшие коней, чтобы животные были укрыты от непогоды. Я принял телефонограмму спокойно, потому что все 12 коней Строительства № 90 ещё с 20 ноября 1944 г. были надёжно защищены от непогоды. Кони были сыты и спокойно отдыхали.

Постройку конюшни мы отмечали, как праздник «конского новоселья». Потому что гужевой транспорт был для строителей самым надёжным. Ездовые любили и берегли своих коней. Кони наши были полностью обеспечены фуражом, сбруей (упряжью), телегами и санями.

Заполярная зимняя непогода, начиная с февраля, принесла реальные опасности для людей. Поэтому был выпущен специальный приказ о мерах по предупреждению несчастных случаев в штормовую погоду. Снегопады, кромешная тьма, ураганный ветер заставляли путников держаться за леера (верёвки), протянутые от одного строения к другому и далее, к следующему. Помните, как у Корнея Чуковского: «Наступила темнота. Не ходи за ворота! Кто на улицу попал — заблудился и пропал. Плачут зайки на лужайке. Сбились, бедные, с пути. Им до дому не дойти». Это не поэтическое преувеличение! Один боец (не строитель), сбившись с пути, замёрз всего в 200–300 метрах от ближайшего строения.

Погода менялась, зачастую — по нескольку раз в сутки. То снежная метель, то холодный дождь, то ясное небо и сполохи северного сияния. Зимнее Баренцево море преподносило сюрпризы.

Работая на батареях (бывших вражеских и будущих своих), строители ежедневно совершали поездки туда и обратно. Поневоле были свидетелями разгула суровой морской стихии. Например, во второй половине ноября вечером был выброшен на камни у Нумеро-ниemi БО (большой охотник). А ровно через месяц у Ристи-ниemi (Нурмен-сетти) на мель сел тральщик. В первых числах марта 1945 г. мотобот сел на мель у мыса Крестовый. В середине января 1945 г. два МО (малых охотника) застряли во льду недалеко от базы. В начале февраля 1945 г. большой корабль, стоявший на рейде, сорвало с якорей и вынесло к 1-му причалу.

24 марта 1945 г. разразился сильнейший шторм. Большой транспорт «Киров» сорвало со швартовов 4-го причала, судно порвало защитные сети и дрейфовало за 6-й причал. А ведь при каждом штормовом предупреждении краснофлотцы заводили дополнительные швартовы и прогревали машины.

Так вот, даже при ветре до 8 баллов и волнении моря до 5 баллов строителей на мотоботах ежедневно возили к местам их работы. Конечно, бойцы-строители не бывали в таких штормах, какие преодолевали боевые корабли. Я искренне завидовал тем, кто сражался на море! По сравнению с ежедневным утомительным трудом на стройке мне представлялось, что служба на боевом корабле полна героического романтизма!

События, которые запомнились

Всегда привлекали внимание корабли под норвежским флагом, посещавшие порт. Именно через Лиинахамари пролегал путь различных норвежских представительств, миссий, членов правительства.

В самый короткий день заполярной зимы, 22 декабря 1944 г. прибыли два транспорта с советскими гражданами, выполнявшими принудительные работы на рудниках в оккупированной Норвегии. Около 700 человек, причём из них около 300 были серьёзно больны или ранены. В большинстве — женщины и даже дети! Этих людей оккупанты привезли в Норвегию из Белоруссии, Смоленской, Брянской областей и других захваченных территорий. Люди работали в каменоломнях, на лесоразработках, на строительстве дорог. Тяжкий труд, скудное питание, жизнь в арестантских бараках за колючей проволокой, дополненные унижительным рабским положением — всё, пережитое этими несчастными людьми, отчётливо отразилось на их внешности. Они имели жалкий вид. И только их глаза светились надеждой на будущее. 8-летнему мальчишке со Смоленщины я подарил чёрную флотскую ушанку со звёздочкой. «Что ты делал, когда мама уходила на работу?» — спросил я мальчика. «Мы за дрова дрались с мальчишками из соседнего барака!» — ответил мальчуган. Ну конечно, в арестантских бараках было холодно! До сих пор не понимаю, зачем и почему оккупанты вывозили вместе с их матерями 5-летних детей?!

Порой проносились слухи о ЧП, как всегда — внезапных и непредсказуемых.

Отопление повсюду было печное, причём, как правило, круглосуточное. За горящей печью нужен был, как говорится, глаз да глаз! Случались пожары, и даже с жертвами, в том числе, на объектах 113 ОАД. К счастью, у строителей такого не случилось ни разу.

Казалось бы, что фронтовики знают опасности баловства с взрывоопасными предметами. Но... Один боец ковырял штыком запал от гранаты и искалечил сам себя, другой — разбирая патрон от трофейного крупнокалиберного пулемёта и также был ранен... Бойцы из 14-й армии как-то вышли в залив на шлюпках, чтобы глушить рыбу противотанковой гранатой и при её взрыве погибли.

В этом отношении строители выглядели более осмотрительными и ответственными людьми. За Строительством № 90 и 798-й ОСР не значились подобные происшествия.

5 апреля 1945 г. **В. М. Молотов** официально заявил об одностороннем денонсировании пакта о нейтралитете между СССР и Японией, заключённого 13 апреля 1941 г. Каждому североморцу стало ясно, что, возможно, и ему предстоит воевать на Тихом океане. А всего неделю до этого североморские торпедные катера и БО (большие охотники) ушли по Северодвинской системе для усиления Краснознаменного Балтийского флота (КБФ).

12 апреля 1945 г. в порту Лиинахамари все корабли спустили флаги в знак траура в связи с кончиной президента США **Франклина Рузвельта**.

Празднование Первой мая слилось с празднованием взятия Берлина! Уже закончилась заполярная ночь, и с этого радостно для всего народа дня были потушены все маяки побережья.

9 мая 1945 года на кораблях был произведен торжественный подъём флага, стеньговых флагов и флагов расцвечивания. Красивое и радостное зрелище! Строители слушали по радио приказ **Верховного главнокомандующего И. В. Сталина**. И военные, и вольнонаёмные строители праздновали от всей души! Погода была неплохая. Периодически солнце проглядывало через облака. Небольшой морозец (минус 4–6 градусов) был приятным. Никто не хотел оставаться

в помещении. Пренебрегая запретом, стреляли в воздух и пускали сигнальные ракеты.

Жизнь после 9 мая 1945 года

День победы в Лиинахамари ознаменовался тем, что в 8:00 на всех кораблях был произведен торжественный подъём флага, стеньговых флагов и флагов расцветивания. С этого дня военные корабли и гражданские суда стали плавать с огнями, согласно международным правилам.

Однако, из предосторожности, система внутренних конвоев просуществовала до первых чисел июня. Потому что отданный новым главнокомандующим Германии приказ подводным лодкам (идти только в надводном положении, не топиться суда, сдаваться в плен западным странам антигитлеровской коалиции, сообщить свои координаты) проигнорировали 37 командиров подводных лодок. С психологической точки зрения это понятно. Если лодка имела всё необходимое для боевых действий, то её опытный экипаж хотел проявить себя как «последний из могикан».

Для флотских, то есть для служивших непосредственно на кораблях, победа означала существенное облегчение воинской службы и жизни вообще. Моряки с боевых кораблей, словно сговорившись, старались модно выглядеть и выдумывали красивые, на их взгляд, но неуставные формы одежды. Например, такие нарушения. Брюки-клёш со вставными клиньями. Бушлаты подрезаны, укорочены. Фуражка «блином», с вырезанным каркасом и урезанным околышем. Бескозырка с удлинёнными аж до пояса краснофлотскими лентами. Иногда приходилось наблюдать картину, как такие краснофлотцы идут, обнявшись, по улице и громко поют: «Прощайте, скалистые горы... Нелёгкой походкой матросской иду я навстречу врагам...» Так, «нелёгкой походкой матросской», шли они навстречу патрулям, и патрули их задерживали.

Для стройбата наступление мирных дней почти не облегчило их работу и жизнь. После победоносного завершения войны строители усиленно работали по созданию благоприятных

бытовых условий для всех военнослужащих, вольнонаёмных и членов их семей.

С окончанием войны в Заполярье началось строительство главной базы Северного флота в Ваенге, артзавода в Росляково, восстановление и достройка судоремонтного завода (СРЗ-35), а также оборудование пунктов базирования в Полярном, Йоканьге, Архангельске, Дровяном и Зеленом мысе⁶.

Рис. 49. Н. Ф. Егоров

Строительство № 90 и 798-я ОСР построили хлебопекарню производительностью 10 тонн в сутки. Первый хлеб пекарня дала 6 июня 1945 года. Приятный запах ещё горячего хлеба, несомненно, запомнился, словно праздничный день! Так что это событие было радостно отмечено всеми, кто служил и жил в Лиинахамари.

По железной дороге прибыл строительный лесоматериал. Чтобы ускорить решение организационных вопросов разгрузки-погрузки, начальник Строительства № 90 лично выехал в Мурманск. И меня взял с собой как вестового.

Срочно, собственными силами, перегружали лесоматериал на транспорт «Диксон». В летнюю светлую «полночь», а именно, в 2:00 18 июня 1945 г. вышли из Мурманска. Несмотря на усталость, некоторые бойцы предпочли не спать, а любоваться красивыми видами береговых скал, неба и моря. В 13:30 прибыли в бухту Лиинахамари. Через полтора часа начали такую же срочную разгрузку.

Заместитель начальника ИО СФ по инженерным войскам подполковник **Николай Фёдорович Егоров** быстро нашёл, куда должны приложить свои руки все инженерные подразделения ИО СФ в мирное время. Только сапёры ещё продолжали свой профессиональный и опасный труд по сплошному разминированию обширной территории, где прогремели бои.

⁶ Становление и развитие инженерно-строительных органов Военно-Морского Флота: Исторический очерк / В. А. Булат, Г. С. Гусев, В. В. Доброго, А. А. Комлик и др.; Под общ. ред. А. В. Крипака — СПб: 2007. С. 46.

И морской пехоте нашлась мирная работа. Например, бойцы 12-й БрМП отремонтировали дорогу от Лиинахамари до Ристи-ниemi (Нурмен-сетти) и далее регулярно следили за её исправностью.

Заполярное лето принесло тучи мошкары, которая была гораздо злее комаров. Ведь этот малюсенький гнус умел пробираться даже под одежду! Трофейные мази от комаров и дымовые шашки частично защищали, но занятым работами людям было неподручно этим заниматься. Однако в минуты перекуров можно было любоваться бело-салатным мхом-ягелем, красивыми водопадами с кристально-прозрачной водой, небольшими берёзками и соснами. На южных склонах сопок зрели ягоды, а на северных — всё ещё лежал снег!

Я помню, как на подведении итогов отец отмечал заслуги подчиненных и хвалил их за высокую воинскую дисциплину. Не случайно, по данным комендатуры и статистике задержанных патрулями нарушителей, среди них не было военнослужащих ни Строительства № 90, ни 798-й ОСР. Поэтому бывает обидно слышать, когда о стройбатовцах говорят как о потенциальных нарушителях дисциплины! Нет, строители ИО СФ всегда полностью отдавали свои силы порученному делу. Не было у них ни времени, ни желания праздно шататься. Возможно, поэтому и не попадались патрулям на глаза.

Официально длительность рабочего дня в первом полугодии 1945 г. равнялась 9-ти часам. Но работали обычно много больше, если был строительный материал.

Посещал строительные площадки заместитель начальника ИО СФ по строительству инженер-майор **Николай Петрович Жуков**. Он был тактичным, гражданским человеком, не вжившимся в воинские уставы и общевойсковую дисциплину. Он любил строительное дело. Устные приказы отдавал в виде добрых советов.

Летом 1945 года начали поступать в распоряжение ИО СФ финские домики, которые строителям было легко собирать, и условия проживания в которых воспринимались как комфортабельные, по сравнению со старым бытом.

Рис. 50. Фьорд Петсамо-вуно

Несколько месяцев в горле Петсамо-вуно работали водолазы, поднимая грузы с лежавшего на дне судна «Вулкан». Вид водолазного бота стал привычным для строителей, ежедневно направлявшимся на полуострова и обратно. Когда же 28 июня 1945 г. «Вулкан» появился из воды, это была великолепная картина! Сперва увидели полубак, а через полчаса всё судно всплыло на понтонах! По этой причине фьорд Петсамо-вуно был временно закрыт для движения.

С первых же мирных дней политорганы начали планировать и проводить различные спортивные соревнования. Уже в мае 1945 г. среди подразделений, подчинённых ИО СФ, состоялись стрелковые соревнования, а также — по бегу на 100 и 3000 метров. Создали физкультурные площадки для волейбола и городков, поставили турник. Бывая там, я принимал участие в спортивных мероприятиях. Но у себя, при Строительстве № 90 и 798 ОСР, мы не создали даже площадки для городошников: не хватало времени! В Полярном проводились длительные тренировочные сборы спортсменов, куда выезжали участники, в том числе и от инженерных частей.

Среди строителей были люди немолодые. Они с тоской вспоминали о своей мирной профессии. «Дома мы дали бы Родине гораздо больше пользы! Скоро надо будет убирать урожай, сеять озимые. Вот придёшь домой, а есть нечего!»

Осенью 1945 в 798-ю ОСР уже прибывали молодые люди 1927 года рождения. Они с уважением относились к старослужащим и даже ко мне, 16-летнему связисту.

Киркенес

За годы войны жители города Киркенес пережили 328 налётов нашей и союзнической авиации. Такова жестокая правда войны. Страдали жители Киркенеса от оккупантов, страдали и от авиационных бомбёжек. В норвежской «Памятной книге павших» увековечено 10000 норвежцев и 2122 советских воина. Но норвежцы знали, что самолёты вынуждены бомбить Киркенес как главную базу гитлеровцев. Норвежцы не только сочувствовали нам, но с риском для жизни помогали советским военнопленным и принимали их в норвежские партизанские отряды. Наиболее активные норвежские граждане-патриоты получили советские правительственные награды.

Сразу же после освобождения города Киркенес, при участии советского командования был создан временный комитет управления городом, в который были включены двое простых пролетариев-коммунистов. Ну разве понравилось это норвежскому королю?! И королю, конечно, рассказали, что вышедшие из штолен (шахтных туннелей) навстречу советским войскам норвежцы пели гимн Коминтерна «Интернационал»! В довоенные годы Коминтерн и МОПР (Международная организация помощи революционерам), руководимые из Москвы, вели свою активную интернациональную деятельность во многих странах, в том числе в Норвегии и Финляндии. Король знал, что многие воины-норвежцы, которые с 1940 года проживали в СССР, восприняли социалистическую идеологию. Он не без оснований опасался, что временное пребывание советских войск в его стране может нарушить отношения между трудом и капиталом. И он побаивался, что

«Его Высочество» ждёт участь царя Николая Второго. Поэтому Его Высочество **король Хокон VII** постарался заблаговременно заручиться гарантиями США и Великобритании. 16 мая 1944 г. в Лондоне было подписано многостороннее «Соглашение о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после её освобождения союзными экспедиционными силами».

Чтобы перехватить политическую инициативу из рук норвежских коммунистов, король послал в Норвегию своих людей. 8 ноября 1944 г. в Киркенес на английском крейсере прибыла из Шотландии норвежская горнострелковая рота. Интересно, что в ее составе был молодой офицер-связист **Тур Хейердал**, ставший впоследствии известным путешественником. В то время ему было 30 лет. Он только что в Англии закончил школу военных диверсантов и получил звание лейтенанта связи.

Североморцы и воины 14-й армии Карельского фронта приветствовали прибытие норвежцев салютом из 24-х орудий. Естественно, что 300 прибывших солдат не представляли серьёзной военной силы, но были политической опорой монархии. На этот счёт старший морской начальник в Киркенесе капитан 2 ранга **Георгий Александрович Ригерман** на совещании пошутил: «На большом корабле прибыло маленькое войско!»

Отец тоже отреагировал на шутку: «Зато это — королевская гвардия!»

«Норвежцы, прошедшие нашу военную подготовку, боеспособнее этих эмигрантов», — продолжил Г. А. Ригерман.

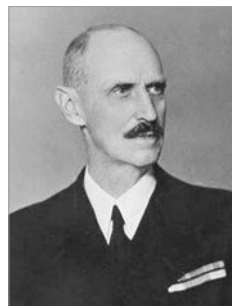

Рис. 51. Король Норвегии
Хокон VII

Рис. 52. Тур Хейердал

Рис. 53. Г. А. Ригерман

Рис. 54. Памятник советским солдатам-освободителям в Киркенесе

«Да, эмигранты отсиживались в Шотландии, а «наши» норвежцы 5 лет работали в колхозах и научились преодолевать все трудности», — заключил В. И. Мозговой.

Г. А. Ригерман родился в Польше, и ему было интересно беседовать на польские темы с отцом, поскольку последний глубоко и объективно разбирался в польских вопросах, так как до Первой мировой войны некоторое время семья жила в Польше, где его отец проходил службу.

Затем в Киркенес и в Лиинахамари стали часто заходить норвежские корветы, тральщики, мотоботы, которые с 1940 года базировались в Англии.

Норвежский король Хокон VII⁷ прибыл в Тронхейм 5 июня 1945 г. Для норвежцев прибытие короля было торжественным

⁷ До 1905 года Норвегия и Швеция составляли одно союзное государство. В связи с разделением этих двух стран норвежцы решили избрать своего короля. В выборах имели право участвовать и женщины. Выбор пал на датского принца Карла, 1872 года рождения, который при коронации в городе Тронхейм получил имя Хокон VII. 9 апреля 1940 года гитлеровские войска, многократно превосходившие силы норвежцев, вторглись в страну. Король Хокон VII призвал свой народ к сопротивлению и эмигрировал в Англию. Возможно, потому, что его женой была английская принцесса.

событием, которое отмечалось салютом, в том числе и в Киркенесе.

А уже в июле 1945 года по решению норвежского короля в Киркенес прибыли два норвежца: скульптор С. Фредриксон и архитектор, а также — английский военный инженер. Они соорудили памятник советским воинам-освободителям. Памятник представляет собой 6-метровую гранитную фигуру советского бойца с автоматом ПППШ в руках. На памятнике имеется надпись: «Отважным советским солдатам в память об освобождении города Киркенеса в 1944 году». Одновременно был воздвигнут памятник норвежцам — героям сопротивления.

25 сентября 1945 г. североморцы и военнослужащие 14-й армии покинули Норвегию. Норвегия не вошла в число стран народной демократии, но престиж освободителей её от оккупантов мы заслуженно получили! Норвежская газета «Афтепостен» писала: «Русские пришли к нам первые, и они первые покидают нас... Норвежцы никогда не забудут того, что русские сделали для них, а также для общего дела победы над врагом». Уйдя, мы навсегда оставили о себе добрую память, как об освободителях страны от 5-летней вражеской оккупации.

Прощай, северный край!

В сентябре 1945 г. отец, инженер-майор В. И. Мозговой, получил отпуск и уехал в Казахстан к своей маме. Обязанности начальника Строительства № 90 были возложены на инженер-майора А. И. Рузакова. Уже 15 сентября 1945 г. он подписывал акты сдачи-приёмки построенных объектов как начальник строительства. Моё желание учиться в Ленинградском подготовительном военно-морском училище он горячо поддержал и написал мне отличную характеристику, назвав её, для солидности, удостоверением. Поскольку А. И. Рузаков знал меня как связиста Строительства с весны 1944 года, когда я находился в посёлке Поньга Архангельской области, он удостоверял мой стаж с 17 апреля 1944 по 28 сентября 1945 года. (Согласно официальным бумагам, Строительство № 90 ИО СФ

Рис. 55. Памятник морякам-десантникам в Лиинахамари

Рис. 56. Памятник на братской могиле воинов-североморцев, павших за освобождение Лиинахамари 13 октября 1944 года

входило в состав действующего флота в периоды: с 22 июня 1941 г. по 25 мая 1943 г. и с 29 октября 1944 г. по 9 мая 1945 г.)⁸

Накануне отъезда, на прощание, я окунулся в воды Кольского залива! Да, в моём Чёрном море вода даже в феврале много теплее! И Чёрное море в два раза менее солёное, чем Баренцево! Уезжал я в Ленинград, где вода Балтийского моря и Финского залива ещё в два раза менее солёная, чем в Чёрном море. Прощай, Лиинахамари! Прощай, Ваенга! Прощай, Роста и Мурманск! Прощай, Заполярье!

Уже после моего отъезда, в октябре 1945 года отца перевели в Инженерный отдел СФ, на должность начальника отделения. Потом он служил на Тихоокеанском флоте, а после увольнения в запас продолжил строить различные объекты по всей стране — от Калининграда до Магадана...

⁸ Здесь речь идет о частях, принимавший участие в боевых действиях. — Прим. ред.

Послесловие

Шли годы, порт Лиинахамари долгое время оставался самой западной военно-морской базой Северного флота. Здесь базировалась 42 бригада подводных лодок Кольской флотилии разнородных сил Краснознамённого Северного флота, бригада кораблей охраны водного района, дивизион ракетных катеров, другие части, включая инженерно-строительные. В конце 80-х гг. на подводной лодке 42 БрПЛ проходил службу мой сын, капитан 3 ранга С. А. Мозговой, который стал представителем третьего поколения североморцев.

Каждый год, 9 мая, в День Победы и 29 октября все корабли и части гарнизона Лиинахамари участвовали в параде, посвященном освобождению этого форпоста Родины.

«Перестройка» политической и экономической системы страны нанесла сокрушительный удар по советскому ВМФ. Порт Лиинахамари перестал быть базой подводных лодок и надводных кораблей СФ, находится в запустении и разрухе. Разгромлен и разграблен музей освобождения Лиинахамари. Многие подлодки проданы на металлолом. Грозные для недругов СССР береговые батареи демонтированы. Для соседей-норвежцев, конечно, спокойнее стало. Потому что до норвежской границы — 17 км по прямой, а снаряды береговых батарей могли лететь более 25 км. Теперь Лиинахамари — место базирования 52-го отдельного дивизиона пограничных сторожевых кораблей.

Летом сюда едут туристы. Они занимаются увлекательным подводным спортом (дайвингом) на Ристи-ниemi (Нурменсетти), который зачем-то переименован в полуостров Немецкий, хотя тут немцев не было, а были австрийцы — совершенно иная нация.

Туристам хочется побывать и на песчаных пляжах Айновых островов, которые при финнах были местом паломничества любителей северной экзотики, настоящим международным курортом для экстремалов. Фауна и флора Баренцева моря отличает арктическое своеобразие и красота.

Рис. 57. «Горлышко» Петсамо-вуно

Рис. 58. Разрушенная батарея на входе в Печенгский залив

Рис. 59. Немецкий дот в Печенгском заливе

Рис. 60. Акватория порта Лиинахамари сегодня

Рис. 61. Мыс Крестовый сегодня

Рис. 62. Участники экспедиции в Лиинахамари, 2012 г.

Рис. 63. Гавань Лиинахамари. Рисунок А. Мозгового, карандаш

Молодые люди не знают подлинной истории этих мест. Сохранившиеся пустые орудийные дворики воспринимают как площадки для таинственных летающих тарелочек.

Между тем, Печенгская земля, Мурманская область и Кольский полуостров в целом хранят множество воспоминаний о Великой Отечественной войне. Среди них Долина Славы, ранее называвшаяся Долиной смерти на правом берегу реки Западной Лицы — место героических подвигов красноармейцев и краснофлотцев, которое одновременно ассоциируется с ужасами войны. Здесь в ходе ожесточенных боев 1941 года погибло несколько тысяч человек и было остановлено наступление немецких войск, рвавшихся к Мурманску. В память об этом здесь возведен мемориальный комплекс с захоронениями Героев Долины Славы.

Многие памятники, связанные с операцией «Вест» расположены в Печенгском районе Мурманской области. При въезде в Печенгу на постамент водружен знаменитый танк Т-34. В перестроечный 1991 год здесь был открыт памятник австрийским солдатам из 19-го горнострелкового корпуса «Эдельвейс» — жертвам авантюристической политики Адольфа Гитлера. Ветераны корпуса «Эдельвейс» посещали

Мурманск. Во время бесед с нашими ветеранами Великой Отечественной войны старики-австрийцы теперь осуждают гитлеровский национал-социализм, осуждают и «американский глобализм». Они рассказывают, что для австрийцев насильственное включение в 1938 году их страны (Австрии) в состав Германии, получившее название «аншлюс» было неприятным событием, оскорбляющим их национальные чувства.

А в городе-герое Мурманске создан мемориал всем защитникам Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны. Он представляет собой 35-метровую фигуру солдата, получившего ласковое имя «Алеша». Другой величественный памятник — матрос «Алеша» установлен в г. Североморске (бывш. Ваенге).

Моё последнее посещение мест фронтовой юности состоялось в августе 2012 года. В экспедиционную поездку по Печенгскому району Мурманской области я пригласил внука Алексея и племянника Владимира, чтобы показать места, где воевали их дед и прадед. Мы посетили Печенгу, Заполярный, Никель, Лиинахамари и прилегающую к заливу территорию, исследовали места дислокации береговых артиллерийских батарей, инженерных частей и др., сделали фотофиксацию состояния объектов. Теперь работаем над предложениями по их реставрации и возможностям туристского использования. Но мои силы уже на пределе...⁹

⁹ В апреле 2013 года А. В. Мозгового не стало. — Прим. ред.

Александр Владимирович
МОЗГОВОЙ

**Инженерно-строительные
войска Северного флота
в наступательной операции
«Вест» и после неё**

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru